

ПОВЕСТИ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ

ДАВЕЛ ШЛАПАКОВ

Павел Шлапаков
Повести нечистой силы

«Автор»

2026

Шлапаков П.

Повести нечистой силы / П. Шлапаков — «Автор», 2026

«ПОВЕСТИ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ» - сборник из восьми повестей, объединённых одной простой и страшной идеей: древние существа славянского фольклора не ушли в легенды, они живут рядом с нами и порой вмешиваются в ход обыденной жизни. Герои ведут привычное существование, пока встреча с нечистой силой не меняет их реальность — иногда так, что последствия хуже смерти. Это не реконструкция мифа ради мифа: каждая история — вольная их интерпретация, где фольклор становится зеркалом человеческих страхов, пороков и надежд. Наследник Лешего, Мстительный Домовой, Влюблённая до Безумия Мавка, Добрый и Несчастный Жердяй, Избушка Бабы Яги, Принёсший Ужас в глухую деревню Огненный Змей, Охота на терроризирующего сибирскую глубинку Каркаладила, Покровительственные Люб и Нелюб - ждут вас на страницах сборника!

© Шлапаков П., 2026

© Автор, 2026

Павел Шлапаков

ПОВЕСТИ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ

ЛЕСНОЙ ЧЕЛОВЕК

Часы тихо тикали над дверью. Урок медленно подходил к концу. Оставалось каких-то пять минут. Заданное упражнение я сделал, но не сказал этого учительнице. Сдам, когда прозвонит звонок, и пойду домой. Правильно, неправильно – какая разница! Это последний урок восьмого учебного года (вдуматься только – через каких-то три месяца я буду девятиклассником!), с ним уйдёт и это задание. Поэтому просто сидел и смотрел на черёмуху, растущую за окном, выходящим в школьный огород; форточка была открыта, поэтому в воздухе чувствовался её аромат.

Рядом сидел мой лучший друг, звался он Серым, официально – Сергеем Головановым. Если кратко его описать, то выйдет следующее: очкастый оболтус, с которым, несмотря на внешность занудного всезнайки, клёво общаться. Мы познакомились ещё в четвёртом классе, когда он переехал в наше село из города. Он также выполнил упражнение, даже быстрее, чем я, но в отличие от меня всё ещё нависал над тетрадью, делая вид, что что-то пишет. В другие дни я делал бы то же самое, но не сегодня.

Снова взглянул на часы. Прошла ещё минута. Да почему ж так медленно? Летние каникулы ждать не будут. Убегут – не догонишь. Не успеешь хорошо выспаться, как снова придётся вставать к восьми. А эти каникулы так вообще обещали стать самыми лучшими в моей жизни. Родители дали слово, что если я не получу за год троек или, что ещё хуже, двоек, то мы всей семьёй, даже с братишкой-паразитом Олежкой, поедем на Чёрное море на целых две недели! Я, когда это услышал, ушам не поверил. Неужели мы поедем на море?! всю жизнь единственным водоёмом, где я купался, была здешняя речка, а тут настоящее море!.. Но я ещё тогда понял, что это скорее стимул к тому, чтобы я старался получать хорошие оценки. Ну, старался, результаты точно порадуют маму с папой, так что настала их очередь выполнять свою часть сделки. За огородом согласился проследить наш сосед – за некоторую плату, разумеется; коров или свиней мы не держим, что упрощает положение. Я уже представлял, как буду плавать в тёплой воде, загорать под солнцем, есть омаров, креветок или какой-нибудь другой деликатес. По крайней мере, надеюсь, что папа позволит попробовать блюда, которые я видел только в фильмах.

– Сколько осталось? – еле слышно спросил Серый.

– Две минуты.

Серый горестно вздохнул.

По истечении их раздался звонок, и мы стали сгребать принадлежности в рюкзаки. Отдали тетради Зинке, сидящей спереди, чтобы та передала их учительнице, Марии Фёдоровне, и бегом направились к двери, которая, если можно так выразиться, вела в лето. Но только подошли, как услышали:

– Вадим, Серёжа, подождите!

Мы остановились, нехотя обернулись.

– Что? – спросил Серый.

– Я хочу кое-что вам всем предложить.

Я закатил глаза – ну что опять?! – и сел на ближайшую парту. Всего их было девять, но для шести человек этого предостаточно. (Самый большой класс в нашей школе насчитывал восемь учеников. Для сельских школ это обычное дело.) Серый остался на прежнем месте; он держался за ручку, готовясь, видимо, в любой момент уйти.

– Ребята, я тут подумала, что мы уже давно не отдыхали в лесу.

– Почему? – спросила Даша. – Мы две недели назад ходили.

– Нет, я имею в виду, что по-настоящему не отдыхали. Прогулки по двадцать минут – это не дело. Я предлагаю пойти с ночёвкой, как было в шестом классе, помните? Когда мы сидели перед костром, а папа Насти играл на гитаре. Здорово же было, правда? Так почему бы не повторить? Я сегодня поговорила с ребятами из седьмого класса, и они согласились пойти, если согласитесь вы.

– А звери?

– Знаете, мне кажется, это не более чем слухи. Но я поговорила со сторожем, и он для пущей безопасности согласился нас сопроводить. Ну?

Какое-то время все думали, а потом по очереди ответили положительно; «Давайте, хорошая идея!» – говорили они. Даже Серый задумался и вяло кивнул. А я молчал и не двигался, надеясь, что ответа с меня не потребуют.

– Вадим, почему ты молчишь?

– А можно отказаться?

Мария Фёдоровна понимающе улыбнулась, отчего мне стало неловко.

– Вадим, пойми: с сегодняшнего дня вы не восьмой класс, а девятый. С первого сентября учителя начнут заваливать вас тестами, похожими на экзаменационные задания, то есть подготавливать к этим самым экзаменам. Для таких выходов на природу не будет хватать времени. В июне тем более. Можешь спросить выпускников, как прошёл для них этот год. Подумай хорошенько.

Я молчал, настроенный сказать: «Нет, спасибо, давайте без меня», – и ждал, когда она закончит. После посмотрел ей в глаза и... не сказал. Потому что возникло необычное чувство: я не мог отвести глаз; взгляд начал затуманиваться, терять чёткость. В голове появилось какое-то неприятное гудение, которое путало мысли, и я выдал следующее:

– Хорошо, я пойду.

– Вот и славно!

Мария Фёдоровна хлопнула в ладоши, и в ту секунду меня отпустило. Я поразился сам себе: собирался же отказаться, какого лешего согласился? Будто заставили.

– А когда соберёмся? Завтра? – поинтересовалась Зина.

– А почему завтра? Давайте сегодня!

Все закивали.

– Собираемся на мосту в шесть, – заключила Мария Фёдоровна.

– До свидания, – выдал я, поднялся и вышел из кабинета за Серым.

* * *

Не пойду, думал, когда шёл домой. Не хочу и не пойду. Ну и что, что дал слово? Как дал, так и забрал. Как говорится, последнее слово съела корова. Ничего страшного, повеселятся без меня. Слышали же, что в лесу опасные звери появились, а затеяли такое! Даже если это и слухи, о чём толкуют со всех сторон, не лучше ль было перестраховаться?

Но какое-то чувство, похожее на щёкот глубоко в груди, не давало полностью утвердиться в решении; скорее всего ответственности за слова (которые не хотел произносить).

Ну раз сам не могу решиться, подумал я, то спрошу совета у мамы.

– Конечно, идти! – сказала она. – А то уже засиделся дома, компьютеры от тебя устали. Сходи, проветришься, проведи время с друзьями.

– Я и так их каждый день вижу.

– Ага, в школе. Чего ты боишься? Мы без тебя не уедем. Сходи в лес хоть раз за лето. Дедушка там каждый день проводил.

– Так потому что он там жил, как отшельник. Ну, если ты так хочешь, я могу уйти и жить, как он.

Я подумал, что шутка удачная, и сам над ней усмехнулся, но мама как-то помрачнела и промолчала, что меня немного смутило. Наверное, до сих пор скорбит – его не стало в прошлом году, спустя несколько месяцев, как он решил переселиться из леса к нам.

Как бы ни пытался дальше убедить её позволить остаться, она не отступала и в итоге пригрозила переносом поездки на месяц. Я мог бы, конечно, подождать, но серьёзно: ждать целый месяц ради того, чтобы просто провести одну-единственную ночь дома, а не в лесу? Мама могла и преувеличить, но лучше было не спорить.

Поэтому, тягостно вздыхая, я собрал некоторые вещи и за десять минут до назначенного времени был уже у моста. Никого, я первый. Сел на поручень, надел наушники, в которых уже громыхала музыка, и стал ждать.

Минут через пятнадцать показалась группа, во главе которой шагала Мария Фёдоровна, а рядом – школьный сторож, Илья Матвеевич. На плече у того висел чехол для ружья, видимо, с самим ружьём. Но у нас в лесу хищников нет, для чего он его взял? За ними шли ребята.

– Слезь оттуда, Вадим, быстро! – приказала Мария Фёдоровна. Я этого не услышал – прочитал по губам.

Отключил музыку и послушно спрыгнул – на мост.

– Сколько ты тут сидишь?

– Минут пятнадцать, наверное.

– А чего так рано пришёл?

– Очень не хотел опоздать. – Надеюсь, было понятно, что говорю я не всерьёз.

– Ясно. Ладно, ребята, идёте дальше! – скомандовала она, и все двинулись через мост.

Я сложил телефон и наушники в карман шорт. Когда толпа прошла, подошёл к Серому, плетущемуся в самом хвосте.

Мы пожали друг другу руки.

– Чего такой унылый? – спросил я.

– А что, радоваться, что ли?

– Ну не знаю, ты же согласился идти.

– Да это так, для вида. Никуда я не собирался. Это всё мама с папой. Сказали, что я стал зависим от компьютера и вообще не выхожу из дома. А это прекрасная возможность отдохнуть от четырёх стен и подышать свежим воздухом.

– Где-то я такое уже слышал...

– В принципе, я с ними согласен. Плюс к этому ещё немного времени проведём вместе до того, как уедешь.

– Это, наверное, единственное хорошее в этом походе.

– А почему ты согласился? – поинтересовался Серый. – Ты меня, на самом деле, удивил. Ещё убежал, я спросить не успел.

– Не знаю. Я хотел отказаться, но какого-то фига не стал. Мария Фёдоровна так говорила и смотрела на меня странно. Может, неловко стало. Да и мама настояла.

– Понятно.

– Что с собой взял? Небось, книжку какую?

– Не, мама не дала. Ни книгу, ни телефон, чтобы по-настоящему отдохнул. Зато карты взял. – Серый вытащил из кармана сильно помятую пачку; не в лучшем состоянии были и сами карты.

– Классно! А я планшет. Несколько ужастиков накачал. Ночью спать точно не будем.

– Когда сидишь у костра, спать и не хочется.

– Да ты не высидишь всю ночь.

– Спорим?

– А давай!

Мы пожали руки и попросили Кольку, шедшего впереди, разбить.

С таким задором и вошли в лес. Теперь во главе группы встал Илья Матвеевич.

* * *

Мария Фёдоровна повела нас к полянке, которую в нашем посёлке называли Копытом, так как с высоты птичьего полёта она была похожа, соответственно, на копыто. Располагалась километрах в пяти от входа, то есть примерно в часе ходьбы. Там ещё протекал родник, куда мы с папой иногда ездили за водой – многие, в их числе и наша семья, считали её целебной.

От толпы доносились гул и топот. Мы растянулись по дороге на десятки метров. Кто-то постоянно уходил вперёд, и Мария Фёдоровна кричала им притормозить, держаться остальных, а кто-то, наоборот, отставал – это был я с Серым.

– Я всё спросить хочу, – начал Серый, когда свернули на стороннюю дорогу. – У нас что, в лесу опасные звери появились?

– Это ты про ружьё у Ильи Матвеевича?

Серый кивнул.

– Ты же слышал про крупные возгорания около соседних деревень?

– Ага.

– Вот, как некоторые говорят, часть зверей осталась на нетронутых участках, а другие разбежались кто куда, в том числе поближе к нам.

– И много?

– А мне откуда знать?

– Смотри, утащит какой-нибудь волк, пока спать будешь.

– Я ж не буду спать.

– Конечно, конечно. Это мы ещё посмотрим!

Серый посмеялся, но мне было не до шуток. Вспомнил кое-что...

Как упомянула сегодня Даша, с момента прошлой вылазки в лес (простой прогулки, как назвала её Мария Фёдоровна, что, в общем-то, было правдой) прошло всего две недели. Мария Фёдоровна по просьбе учителя биологии повела тогда наш класс для предметного наблюдения за природой: изучали птиц, порой пролетавших над нашими головами, определяли растения, попадавшие по обочине дороги, распознавали слышимые звуки. Через полчаса остановились и перед обратной дорогой разбрелись по округе.

Идея разойтись мне понравилась: шум от нашего класса стоял бесячий, хотелось подумать в тишине, тем более в такой обстановке, когда мысли сами лезут в голову.

Я отошёл достаточно далеко, занимаемый не помню какого рода размышлениями. Пока их не прервал треск кустов. Прозвучал он неожиданно, отчего я вздрогнул и замер в ожидании; сердце гулко застучало в груди. Треск не повторялся, воцарилась прежняя тишина. Я стоял напротив куста; за листвой ничего не разглядеть.

Может, заяц или ещё какой-нибудь мелкий зверёк? – с надеждой подумал я и немного успокоился. Но ненадолго.

Из листвы высунулась серая морда. Волк. Сердце упало в пятки. Только не это! Я начал медленно отступать, но упёрся в дерево; от неожиданности обернулся и тут же повернул голову обратно: не хотелось упускать волка из виду, не то нападёт со спины, а так смогу хоть как-то сопротивляться. В голову прокрадывались самые ужасные варианты исхода этой ситуации.

Мозг в мгновение всё проанализировал: на дерево не залезть, так как нижние ветви росли высоко от земли; ни палок, ни камней рядом нет, отбиваться нечем; мысли о побеге сразу отметались. В горле будто застрял ком, мешающий произносить звуки и нормально дышать. Пальцы вцепились в кору. Чем защищаться и что делать? Остаётся только молиться о спасении.

Я стоял неподвижно, как и могучий лесной зверь. На ум полезли факты про него, которые когда-то рассказывал дедушка: волк – санитар леса; волк способен отгрызть себе лапу, если попадёт в капкан; волки выбирают себе пару раз и на всю жизнь. Ну и самый главный факт – волк никогда не нападает на человека первым. Я надеялся, что если не буду двигаться, тот не нападёт – только если не болен бешенством. Вокруг пасти пены нет, значит, не болеет. Или я ошибаюсь? Хоть бы не ошибался!

Взгляд непроизвольно бегал по морде. В правилах, вроде как, говорилось, что нельзя смотреть им (и псам в принципе) в глаза, так как они могут воспринять это как угрозу, но я не мог отвести взгляд. В ней не читались агрессия, голод или то самое бешенство. Наоборот, разум и непонимание. Он еле слышно рычал.

О чем ты думаешь, скотина? Оставить меня себе про запас или позвать сородичей для пирушки? Способен ли ты вообще мыслить?

Он сделал шаг, вышел из кустов наполовину. Я сильнее вжался в ствол. Ещё один шаг...

И тут раздался крик:

– Ребята, собираемся в обратный путь!

Я на секунду отвлёкся на него, но повернул голову обратно, когда вновь затрещали кусты. Ожидал увидеть второго волка, но не оказалось и первого.

Задерживаться не стал и быстрым неуклюжим шагом направился обратно. Бежать не мог: ноги подкашивались. Часто оборачивался, боясь, что волк крадётся следом.

Сколько это продолжалось? Минуту? Две? Все равно, это будут самые долгие и страшные минуты в моей жизни!

Я рассказал остальным о неприятной встрече, и Мария Фёдоровна поспешила увести нас обратно. Со следующего дня

– Как думаешь, мы увидим Лешего? – неожиданно спросил Серый.

В тот момент мы проходили мимо заповедника, где этой весной лесники с помощью нашей школы высадили несколько сотен сосновых саженцев. Большинство уже окрепли и тянулись к солнцу.

Я отмахнулся:

– Ой, Серый, опять ты про эту сказку!

– Леший не сказка!

– Да брось! Это простая выдумка, чтобы пугать глупых маленьких детей. Меня в детстве им пугали, говорили, что если не буду спать или есть манку, то придёт этот Леший и заберёт меня.

– Леший существует. Он живёт в самой чаще леса в своей берлоге и защищает его и его обитателей от всяких опасностей. Однажды он просто силой мысли поднял в воздух воду из реки и потушил ею разгорающийся пожар. И чтобы восстановить реку, он пробил в земле несколько источников, из которых потекла вода. Так появились родники, один из которых протекает у Копыта.

– Да, да, да, конечно. Серый, я видел фотографии, где показано, как пожарный вертолёт из цистерны сбрасывает воду на огонь. Ты цени пожарных, которые вовремя прилетели на тушение, а не выдуманного нечистя.

– Его несколько лет назад сняли на камеру, – немного обиженно пробубнил Серый.

– А ты видел это видео?

– Видел!

– И что там было? Непонятная мутная фигура, снятая на очень плохую камеру?

Серый отвернулся. Обиделся. Он очень любил всякого рода мистику, читал книжки с подобной тематикой. Являлся поклонником какого-то там короля ужасов. Искал в интернете доказательства, что призраки, русалки, домовые и другие подобные существа на самом деле существуют; я частенько бывал у него дома и при каждом визите ожидал увидеть всякие жуткие

атрибуты для паранормальных ритуалов, но, слава богу, ничего такого не находил. История про здешнего Лешего была его самой любимой. А я был скептиком на эту тему.

Я положил руку на плечо и сказал:

– Да ладно тебе, не обижайся. Это лично моё мнение. Если веришь – верь, никто тебя не заставляет сомневаться в этом.

– Вадим! Серёжа! Догоняйте! – прикрикнула Мария Фёдоровна – мы опять отставали.

Спустя час пешего пути мы были на месте. Родник протекал поперечно тропе и тем самым отделял нас от поляны. Доска, по которой одновременно могли пройти только два человека, помогала перебраться на другую сторону.

Копыто – это небольшая полянка среди взрослых и молодых сосен. От неё ещё дальше, вглубь леса, отходила тропинка, но она нас тогда не интересовала.

На месте Мария Фёдоровна стала разделять обязанности. Девочки из моего класса – Люба, Зина, Марфа и Аня – приготавливали место для костра. Колька и Костя сначала сложили развалившиеся скамьи из досок и чурок, а потом пошли в лес за палками для костра. Я, Паша и Андрей расставляли палатки. Их было пять на тринадцать человек. Одну заняла Мария Фёдоровна, остальные распределила по три человека в каждую. Андрей и Коля запротестовали – они хотели ночевать вместе. Мария Фёдоровна, дабы не разводить долгих споров, разрешила. Так что Андрей, Коля, Костя и Паша расположились в одной палатке, оставив нас с Серым двоих. Мы этому только порадовались. Ну а Серому досталось самое важное – среди молодняка выкопать яму, что будет служить туалетом.

Я справился быстро и отправился помогать парням. Всё-таки опыт: мы с отцом иногда ездили на рыбалку, которая могла продлиться от нескольких часов до пары дней. Приходилось учиться ставить палатки, пока папа смотрит за удочками. Когда справились, сел на скамью, пока остальные начали придумывать разные активности, так как все дела были сделаны и оставалось только ждать ужина, который готовила Мария Фёдоровна: догонялки, прятки, разные разговорные игры, а Илья Матвеевич предложил дартс – он специально для этого принёс мишень и дротики. Кто больше наберёт очков, тот и победитель. Кто-то согласился, кто-то продолжил прятки с догонялками.

Я не присоединился ни к тем, ни к другим. Тошно было: не люблю такие многолюдные походы. Все бегают, суетятся, ругаются друг с другом, а я не знаю куда податься и кому помочь. Поэтому просто сидел и наблюдал за остальными. Пару раз даже уходил домой – конечно, когда лагерь располагался недалеко от выхода. Сегодня приходилось терпеть – не хотелось пять километров идти в одиночку, тем более скоро начнёт темнеть.

Солнце только подошло к горизонту.

Тарелки, кружки и ложки каждый принёс из дома. Поужинали обычным супом. Вода из родника, картофель, лук, лавровый лист, соль и морковь. Просто, но очень вкусно. Хлеб принесла Мария Фёдоровна; свежий, только сегодня в магазин завезли. Также она говорила, что каждый мог взять что-нибудь под похлёбку или чай. Некоторые взяли лапшу быстрого приготовления, другие – конфеты, пряники, печенье или пирожное. Я взял магазинные сухарики, две пачки, но рассчитывал их раскрыть позднее, в палатке.

Я съел три ложки супа и всё, больше не влезло. До сих пор не отпустило от воспоминания. Казалось, что волк притаился где-то среди деревьев, наблюдает и выжидает момент, когда можно будет снова завладеть мною. А вот и фиг ему! Буду сидеть возле костра всю ночь, так как точно не усну. Все звери боятся огня, да к тому же кто-то останется со мной. Но что более уверяло в безопасности, так это ружьё, которое Илья Матвеевич почти не выпускал из рук.

Когда солнце село, в десятом часу, и немного стемнело, Андрей предложил рассказывать страшные истории. Начиная с него, каждый повествовал свою страшилку. Я отказался – не знал ни одну. Решил посидеть и послушать.

Говорили о вампирах, восставших из могил, оборотнях, воющих под полной луной, призраках в старых избах. Парни смеялись, показывая, какие они бесстрашные и смелые (но это до момента, пока не встретятся с чем-то действительно страшным и непонятным; тогда сразу будут удирать, куда глаза глядят). Девчонки, естественно, боялись, жались друг другу, вскрикивали от испуга, когда повествующий издавал резкие звуки, и нервно после посмеивались. Слушая их, я всё больше убеждался, что нет ничего страшнее реальности. Когда ты в тёмном лесу один, воображение начинает рисовать лица на стволах, руки из ветвей деревьев, силуэты из кустов, но, когда встретишь волка или медведя, все монстры уйдут. Ты останешься один на один с реальностью. И в голове будет только одно: «Что делать?». Я испытал это на себе. Я, конечно, мог из случившегося этим вечером выдумать историю – о волках–людоедах и несчастных жертвах, – но не хотел.

И тут после очередной истории Костя упомянул про Лешего, и Серый спросил:

– Мария Фёдоровна, а вы верите в Лесного Человека?

– Ты про Лешего?

– Ага!

– Нет, не верю.

Я облегчённо выдохнул. Всё-таки я не единственный, кто не верил в эту чушь.

– Ну, раз мы о нём заговорили, у меня история, – заявил Колька. – Вычитал её в интернете. Но предупреждаю, она основана на реальных событиях. Короче, действия разворачивались в конце восемнадцатого века в посёлке Позоры. В те времена ходили слухи о том, что по лесу вокруг деревушки ходил Леший, избегал мужчин и нападал на женщин, забирал их с собой, кормил мясом и грибами и жил с ними, как с супругами. Под его влиянием они постепенно становились похожими на него, забывали обо всех и становились Лесными Людьями. И вот однажды... – Он сделал интригующую паузу.

– Да продолжай ты, рассказчик фигов!

– Марфа, прекрати! – одёрнула Мария Фёдоровна. – Пусть рассказывает, как ему удобно.

Продолжай, Коля.

– Так вот, однажды двое мужчин охотились на медведя и подстрелили какое-то мохнатое существо. Им оказалась одна из самок Лешего. Они, как бы странно это не звучало, содрали с неё шкуру и унесли с собой.

Меня передёрнуло от представленной картины.

– После этого охотники погибли в лесу при очередной вылазке. Но это ещё не всё...

Марфа протяжно выдохнула.

– Леший оказался во дворе, где висела шкура одной из его супруг. Взбешённый, он убил привязанную собаку, овец в стойле, разрушил ограду, разбил окна в доме и ушёл, забрав шкуру с собой...

– Какая же это чушь! – перебил Серый. – Леший – добрый. Он защищает лес, заботится о деревьях и не допускает, чтобы люди редкую растительность уничтожали. И никаких таких ужасов не вытворяет.

– Естественно, чушь. Лешие, вампиры, оборотни – всё это выдумки.

– Твоя золотая рыбка в «Сталкере», которую ты якобы нашёл, выдумка, а Леший – настоящий.

– Я-то могу показать её всем, а ты как докажешь?

– Историю про Лешего знаешь, что затушил пожар? Или фотографии с видео? Это ли не доказательство!

– Это сказки для детей, которые себя плохо ведут.

– Он настоящий!

– Докажи!

– Все, хватит об этом! – прервала их Мария Фёдоровна. – Давайте других послушаем.

Спорящие замолчали, и Андрей начал новую историю о бабке-призраке. Колька поочередно посмотрел на каждого из нас, как будто спрашивая: «Вы ведь в это тоже не верите?». Я перевёл взгляд на костёр.

Через полчаса, когда страшилки и байки кончились, все потихоньку начали расползаться по палаткам. Я, Андрей и Коля остались у костра (наш с Серым спор как-то безоговорочно сошёл на нет). Мария Фёдоровна предупредила нас быть осторожными и не отходить от Ильи Матвеевича. Коля начал задавать тому разные вопросы об охоте и рыбалке. Тот с интересом отвечал, но его ответы заставляли задуматься. Я хоть и ездил с отцом на рыбалку только за карасями, но знаю, что щуку «вот такого размера» приманивает блесна, а не червь. Хотя, возможно, я и ошибался.

Посидел несколько минут, грея и без того горячие руки. Под монотонный голос Ильи Матвеевича начало клонить сон, и я сдался: всё-таки лучше уйду в палатку, не то засну и упаду лицом в огонь. А волка, очевидно, рядом нет; тот уже давно забыл про меня, а ощущения его присутствия возникли от страха.

Забрался в палатку. Серый ловко перетасовывал карты.

– Сыграем?

– Нет. Мне что-то нехорошо.

– Ага, после Колькиной чуши и меня замутило.

Я проигнорировал его, залез в спальник и закрыл глаза.

Снился (сюрприз-сюрприз) волк: как я убежал от него по лесу, как мешали длинные ветки, которые приходилось отталкивать руками, а ноги вязли в земле.

Но сон прервали. И я погрузился в новый кошмар.

* * *

Что-то мокрое и тёплое дважды прошлось по щеке. Я сморщился – неприятное было ощущение – и приподнял голову. Надо мной нависал волк. Сонливость как рукой сняло. Я издал какой-то странный звук, похожий на икоту, и мгновенно отполз от него. Я не мог кричать – был ошарашен. Как Илья Матвеевич мог его пропустить? А Коля с Андреем? Уснули? Ладно парни, но сторож?! Он же охотник! Или это всё сон?

– Не бойся, я тебя не трону.

Я осмотрелся – кто мог это сказать? Серый спит, да и не его был голос; может, кто-то вне палатки. Но почему-то мне казалось, что это...

– Нам нужна твоя помощь.

Я прикрыл рот рукой. На язык лезло только ругательство. Теперь я был ошарашен вдвойне.

– Но как ты м-можешь...

– Я не говорю. Я обращаюсь к тебе мысленно.

Это ничего не прояснило.

– Звери не могут говорить!

– Я понимаю, это необычно для тебя. Но поверь, это не сон. Я пришёл...

Серый что-то пробурчал, перевернулся к нам лицом, но глаза не открыл, снова захрапел. Волк проследил за ним, потом переключился на меня.

– Ты пришёл... зачем? – спросил я. – Где-то рядом твоя стая?

– Нет. Я пришёл *от* стаи. И от других зверей. Я выбран для того, чтобы поговорить с тобой. Ты должен пойти со мной.

– Зачем?

– Нам нужна твоя помощь.

– Кому – нам?

– Всем. И людям, и животным.

С этого момента мной постепенно овладевало любопытство.

– Л-ладно.

– Вылезай. Отвечу на вопросы потом.

Он выбрался из палатки.

Я расстегнул спальник. Серый тихо сопел. Я хотел его разбудить, но передумал – если волку нужна моя помощь, то, скорее всего, тут помогу только я, а если собирался меня съесть, не хотел, чтобы пострадал и Серый. Посмотрел на время. Пару минут назад перевалило за три часа ночи.

Вылез наружу. Волк сидел около кострища и смотрел на угли. Андрей и Коля, наверное, не выдержали и ушли в палатку, а Илья Матвеевич мирно спал, опершись на ствол ружья.

– Охотник, блин.

– Он? – удивлённо спросил волк. – Нет. Он стрелять-то толком не умеет. Поверь мне, я видел, как он пытался. Да и на охоте ни разу не был. Вот его отец был настоящим охотником. Весь лес держал в страхе.

– Очень интересно, – съязвил я.

– Пошли. – Он поднялся и направился к тропе.

Я на цыпочках обошёл Илью Матвеевича. В слабом свете углей заметил, что предохранитель возведён. Если во сне случай-

но не опустится, тот проспит спокойно.

Волк тем временем скрылся за деревьями. Я побежал за ним. В темноте тот выделялся бесформенным серым пятном. Он дождался, пока приближусь, и двинулся дальше, но я остановил его:

– Стой!

– Что? – послышался голос волка. Господи, как же странно звучит – голос волка...

– Я с места не сдвинусь, пока ты мне всё не объяснишь.

– Я тебе потом всё объясню, когда мы дойдём до места.

– Нет. Ты расскажешь мне всё сейчас, или я разворачиваюсь и иду будить сторожа.

Было видно, как волк мотает головой, смотря то вдаль, то на меня. Размышляет. Потом послышалось рычание (я б его описал недовольным), и он выговорил:

– Ладно, успокойся. Что ты хочешь знать?

– Если всё это не сон, то почему я всё-таки тебя понимаю?

– Потому что ты выбран стать защитником леса.

– И что это должно мне дать? Как-то конкретнее...

– Давным-давно люди, когда ещё жили в пещерах, могли общаться с животными. Мы не враждовали, а жили в единстве без стремления убивать друг друга. Но потом что-то произошло. В какой-то момент вы... потеряли с нами связь, и мы перестали понимать друг друга. Вы будто забыли время, когда мы жили в том самом единстве, и начали охотиться на нас. Животные не хотели этого, но что нам оставалось: либо вы нас, либо мы вас.

Это самое странное, что я слышал в жизни. Даже Серый такого сумасбродства не загонял.

– Звучит как бред.

– С тобой сейчас разговаривает волк. Час назад ты бы сказал то же самое.

– Ладно, продолжай.

– На протяжении всей истории появляются люди, которые встают на защиту Природы. Когда-то вы их прозвали Лешими.

– Нет, Леших не существует. – Прозвучало как-то неуверенно. – Это выдумки наших предков.

– Существуют. И ты один из них. Ты выбран, чтобы защищать лес и его обитателей.

– Кем избран?

– Природой.

Ответы порождают новые вопросы, но лучше узнавать всё помаленьку, не то, думаю, сойду с ума.

– И вам сейчас нужна моя защита?

– Да. Последнее время все чувствуют надвигающуюся угрозу. Ты тоже должен чувствовать.

– Нет, я ничего не чувствую.

– Пока что так. Но скоро почувствуешь. Всё, пора идти. Никто точно не знает, когда случится беда.

Волк побежал по тропе. Я двинулся следом.

– Можно задать ещё пару вопросов?

– Задавай.

– У тебя есть имя или кличка?

– Нет, мы не именуемся.

– А... сколько тебе лет?

– По меркам человека, восемнадцать.

– Я думал, что в нашем лесу не водятся волки.

– Мы просто не высовываемся, ведём себя тихо.

– Так, э-э... Раз мы потеряли способность общаться с вами, как вы нас понимаете нашу речь?

– А мы её не теряли.

Мы всё углублялись в лес. Я перебирал в уме полученную информацию и внезапно вспомнил легенду, которую так любил Серый.

– А что насчёт пожара? Это правда, что именно Леший его потушил, поднял, там, воду силой мысли?

– Это не более чем легенда. Но часть правды в ней есть. Тогда пожар захватил небольшую территорию, и Леший замедлял, как мог, распространение огня, пока не прилетели люди.

Серый завизжит от восторга, когда услышит это.

– А куда мы идём?

– Уже пришли.

Волк остановился. Глаза во время пробежки успели привыкнуть к темноте, и я разглядел небольшой пригорок. На вершине чёрным прямоугольником выделялся одинокий пенёк и какая-то странная, торчащая из земли железка, похожая на погнутую трубу. Оглядевшись, не нашёл ничего примечательного. И что мы здесь забыли, зачем волк сюда так спешил? Что бы это ни было, я не боялся, что он завёл меня в засаду. Но оставались смутные сомнения, что вся история, рассказанная им, правда. Пока единственным аргументом было то, что я его понимаю. А если это всё-таки сон? Что ж, если так, я хочу посмотреть его до конца.

– И что мы здесь забыли?

– Мы пришли к хижине.

– Какой? – Я вновь огляделся. Упустил её из вида?

– Хижине Лешего.

– А где она?

– Прямо перед нами.

Я уставился на волка. Пригорок – хижина?

– Прислони к пригорку ладонь. И не спрашивай, зачем, – просто сделай.

Я подошёл, наклонился и положил на землю руки. Ничего не происходило.

– Ничего. Вы, похоже, ошиблись с...

Мышцы рук напряглись, будто по ним проходил электрический ток. Я попытался их отнять, но не получилось, и по ладоням пошёл жар. Я не на шутку перепугался:

– Что это за фигня?! Что происходит?!

Волк молчал.

Затем случилось нечто: от ладоней ровно вверх и вниз пошли трещины, которые примерно на одинаковом расстоянии резко повернули вправо и на одном уровне остановились. Напряжение спало, и я отскочил, приземлившись на зад. Из земли дугой вышли переплетённые корни.

Ручка. А в целом...

– Дверь. Но ты же говорил, что Леший не обладает магией.

– Я такого не говорил. Я только сказал, что он не поднимал воду. В другом вы кое-что можете.

– Что, например?

– Ещё увидим.

Уверенность в правдивости истории только росла.

Я поднялся, приблизился и аккуратно взялся за ручку. Никакого напряжения. Потянул на себя. При первой попытке дверь только шелохнулась, а при второй уже открылась. Отворил настежь; с внутренней стороны отделана сухими корнями; слой земли на внешней не осыпался, как думал; различил, что петлями служили три такие же переплетения корней, что ручка.

Внутри хижины было темнее ночи, разглядеть что-либо невозможно. Я боялся заходить – страх был чисто инстинктивным; если бы не он, любопытство давно бы затолкало внутрь. Может, волк почуял мой страх, раз обошёл меня и скрылся в темноте. Я одной ногой встал на порог и носком ощутил спуск.

– Заходи быстрее. Нужно свет зажечь.

– Как?

– Тут должны быть свечи. Где-то... – Послышалось сопение, шуршание бумаги. – Вот!

Из темноты высунулась морда со свечкой в пасти. Я принял её.

– Есть чем зажечь?

– Да, вроде.

Я порыскал по карманам и нашёл спички, которые всунул папа, приговорив, что лишними спички никогда не бывают. Чиркнул одну и поджог фитилёк. Теперь видно хотя бы вокруг себя. Под ногами небольшой спуск. Ступил на него и спрыгнул на пол. Оказалось, не выше колена.

– Подожди остальные.

Всего по полу среди мусора валялось ещё пять штук. Поджигал и оставлял на том же месте.

В итоге получилось более-менее осветить хижину – для полного удовлетворения глазам, конечно, не хватало ещё пятёрки или десятка свечей или вовсе лампочки – и теперь можно было её рассмотреть.

Земляные стены, развалившаяся кровать и стол, стулья, корни дерева на потолке, разбросанная по полу пожелтевшая бумага, старая металлическая печь. На одной из газет разглядел дату: 1970г. – и пару крупных букв от заголовка.

Я восхищённо озирался, с головой погрузившись в этот удивительный мир, о котором знают лишь избранные. Как же мне повезло, что я один из них! – посчитал я в тот момент.

– Это круто! Только тут такая разруха.

– Позже всё исправим.

– Что я ещё можешь рассказать, показать?

– Ты можешь перемещаться из одной точки леса в другую.

– Да ладно? И как?

– По лесу выкопаны землянки, такие как эта. В стене есть ровная поверхность, вон как эта. – Он кивком указал на Портал – так я его назвал. – Прислоняешь руку и выбираешь место, куда перейти. Но в пределах леса. Опробуй прямо сейчас.

Мне не терпелось это испытать. Подошёл к Порталу и приложил руку. Снова через тело прошло напряжение, и возник жар, который дальше ладони не продвинулся. Почувствовал где-то в затылке, как появилось место для перехода. Закрыв глаза. По желанию места менялись. В одном из них в голове загудело. Я посчитал, что это эффект от магии, и решил остановиться на нём. Открыл глаза – ладонь пропала в земле. Обернулся и смущённо спросил:

– Можно зайти?

Волк, не отвечая, вошёл в стену, растворившись в земле. С каждой минутой всё интереснее и интереснее. Жаль Серый этого не видит, а расскажу, не поверит.

Я вошёл в Портал.

* * *

Меня не стошнило при переходе, как это обычно показывают в фантастических фильмах, когда неопытный и неподготовленный человек перемещается через портал или другим подобным образом; лишь в голове несильно стучало, но это точно не эффект от перехода.

Землянку ничего не освещало, но разглядеть обстановку удалось. Улучшается зрение? Ещё один шаг к становлению Лешим? Мебель отсутствовала. Проход наружу заметил сразу. Сделал шаг, но голову пронзила такая боль, что нога подкосилась, и я упал. Приподнялся, посмотрел на волка.

– Что с тобой?

– Голова болит...

– Поднимайся, – скомандовал волк и подскочил к выходу. – Скорее, наружу!

Я поднялся. Боль утихла, сжалась до точки далеко в мозгу. Но скоро она вернётся, я это чувствовал. И был прав, так как она вновь усилилась, когда подошёл к выходу, но совсем скоро отступила. Положил руки на дверь. По телу пробежалась дрожь; только прошли трещины, откинул её.

Мы выбежали, я огляделся. Среди деревьев видны точки света. Я сразу понял, что это – фонари на столбах электропередач. Мы точно переместились, ведь увидеть их с Копыта нельзя.

– Обалдеть! Мы правда... – Голову сотрясла боль, которая чуть не сбила с ног. – Да что это такое?!

– Природа зовёт тебя на защиту. Слышишь бензопилу? Нужно её найти.

Он побежал на звук, я – следом.

Через метров двадцать послышался звук падающего дерева. Волк остановился возле кустов, я сел рядом. За листвой различил двоих: мужчину, который заполнял «дружбу» бензином, и парня, по виду моего возраста, что стоял между ним и «уазиком» и нервно оглядывался по сторонам.

Смог расслышать их голоса.

– Прекрати истерить, Лёня, – насмешливо сказал мужчина.

– Да сдались тебе эти дрова, Тёма. Мы взяли сколько нужно, зачем тебе лишнее?

– Пока никто не видит, можно взять побольше.

– А звери? Если они нас услышат, придут сюда...

– Окстись. Достался же брат, который случайного пука испугается. В кого ты такой? Сейчас напьем ещё полкузова, никто и не заметит.

– Здесь, наверное, какая-то ошибка, – прошептал я.

– Нет Природа не глупа, она никогда не ошибается.

– Но они ведь просто рубят деревья, чтобы протопиться зимой.

- Значит, берут больше, чем им дозволено.
 - Ладно, спорить не буду. Что нам делать?
 - Напугай их, заставь уехать.
 - Ты можешь просто завывать, они испугаются.
 - Могу. Но я хочу посмотреть, как ты с этим справишься.
- Старший брат тем временем пытался завести «дружбу».
- Попробуй обратиться к животным.
 - Как?
 - Мысленно, так же как я с тобой общаюсь.

Ладно, стоит хотя бы попытаться. Я закрыл глаза, приложил к вискам пальцы и напрягся.

Но чувствовал только волка.

- Расслабься, – сказал он. – Сильно не напрягайся.

Я сбавил напряжение и почувствовал ниточку, что вела к мышке, что сидела у себя в норке в паре шагов от нас. Встряхнул голову, попробовал снова. Нашёл что-то туманное, будто закрытое, но испускающее чувство страха.

Я могу залезть в голову младшему брату? То есть в будущем смогу читать мысли людей?

Не верится!

Но в остальном – никаких связей.

- Не получается.

- Ладно. Я помогу. – Волк убежал, шумя кустами.

Парни уставились в нашу сторону.

- Что это? – пискнул младший.

– Не бойсь, – проговорил старший, и я почувствовал в его голосе нотку страха. – Заяц какой-нибудь.

Шум повторился в другой стороне. Они резко обернулись, старший чуть выставил пилу.

- Я ж тебе говорил: звери придут!

- Уймись!

Послышалось рычание.

- Это волки!

Старший завёл пилу.

Хьюстон, у нас проблемы, подумал я. Нужно что-то сделать. Закрыл глаза и попытался заглянуть в голову старшему. Стояла похожая блокада. Ощущался страх, равноправный решительности.

Снова рычание, которое я слышал будто через уши старшего. Попробовал убедить его, что волк не один, размножив рычание.

И получилось: старший завертелся, страх набирал силу.

- Чёрт, он не один.

- Поехали, Тёма!

Связался с волком:

- Завой.

Тот согласился.

Вой прозвучал, и я продубривал его множество раз.

Всё: страх задавил решимость; старший просипел:

- Твою мать... – и побежал к «уазику». – Садись!

Младший уже давно был в кабине. Старший влетел за руль, завёл двигатель. Новый вой размножать не пришлось.

Они развернулись и уехали.

Я встал, слегка дрожа от холода и возбуждения. Лешие не просто запугивают людей – они могут ими манипулировать.

Подошёл волк.

– Неплохо сработались, – сказал я.

– Да, хорошо мы их испугали. Теперь пойдёт молва о стае волков по деревне, и лишний раз в лес не полезут. Пойдём в хижину.

Мы вернулись к землянке. Обстановка теперь различалась ещё лучше.

– Стало светлее, – заметил я. – Раньше здесь плохо все различалось.

– Твои чувства усиливаются.

– А от чего зависит их развитие?

Волк промолчал. Что-то обдумывал. А смогу ли я в будущем читать мысли людей или животных? – думал я тем временем. Или внедрять свои, как это умел Профессор Икс? Было бы круто.

Волк ответил:

– Давай сначала пройдем в хижину.

Я не возражал. Здесь становилось холодно. Прикоснулся к Порталу, нашёл её, пропустил волка и прошёл сам.

Хижина не изменилась. Я прошёл к выходу, сел на порог. Волк остался у Портала.

– Ну, так что там с чувствами?

Он глубоко вздохнул и ответил:

– Избранные звери веками подготавливали людей к жизни Лешего. И в некоторых случаях после ответа на этот вопрос возникали проблемы. Пожалуйста, реагируй спокойно.

Я напрягся: не понравился мне его тон.

– Как бы помягче для тебя сказать... В общем, все способности развиваются постепенно. Некоторые легче приспосабливаются, другим это даётся сложнее. И развитие зависит от лесного воздуха.

После секундного обдумывания я догадался, к чему он клонит, но хотел уточнений:

– То есть, если я нахожусь в лесу и дышу его воздухом, то умения развиваются...

Волк кивнул.

– ...а если за его пределами...

– То способности постепенно исчезают.

Вот и обратная сторона этой казавшейся идеальной секунду назад медали.

– А если я вернусь через долгий срок?

– Чем дольше ты проводишь времени вне леса, тем хуже приспосабливаются умения; могут вообще не появиться.

– Значит Леший, то есть я, должен постоянно быть в лесу?

Он кивнул.

– А как же деревня? Школа? Друзья? Семья?

Промолчал.

– Мне что, сидеть здесь, пока жизнь за лесом процветает?

– Везде есть свои минусы.

Я невольно усмехнулся.

– Минусы... А если я откажусь от такой чести?

– Это твоя участь.

– Я её не выбирал. Мне есть что терять. Семью, друзей. Я даже не доучился!

Он промолчал.

– А почему вообще я? Почему Лешим должен стать именно я? Там, в лагере, ещё много людей для выбора. Возьмите хотя бы Аню. Она сирота, учится плохо и почти ни с кем не общается. Почему я?

– Женщины не становятся Лешими.

– Это ещё почему?

– Никто не знает. Только мужчины. Эта одна из загадок Природы.
– Это ещё ничего не значит. Я не единственный парень в деревне.
– Тебя выбрала Природа. Пойми, Вадим, это твоя судьба. Ты должен защищать лес, как это делали все, кто был до тебя.

Я повысил голос:

– То есть она хочет отнять у меня всё, чего я добился и ещё добьюсь? Хочет отнять у меня жизнь?

– Не говори так, Вадим.

– Пусть она поменяет решение.

– Это невозможно. Если она выбрала тебя, значит, так надо.

– Ну так передай ей, что я не согласен, и, если она не изменит решение, больше никогда не зайду в лес.

После этих слов встал и вышел из хижины.

– Нет, не уходи! Я не сказал...

Я закрыл дверь и побежал.

За все время побега усталости в ногах не почувствовал. Даже отдышка не появилась. Нет, развитая выносливость не изменит моего решения!

Среди деревьев показался костёр. Я на месте.

Только выбежал из темноты, как Илья Матвеевич вскочил и вскинул ружье. Я остановился и рефлекторно поднял руки.

– Это я, Илья Матвеевич. Опустите.

– Ты откуда?

– Встал в туалет. Много сока перед сном выпил.

Он опустил ствол и сел на скамью. Я прошёл мимо и остановился возле палатки.

– Хорошо, что вы предохранитель не опустили, а то вдруг нечаянно нажали бы на крючок.

Тот глянул на оружие и как-то смущённо сказал:

– Нет, не нажал бы. Я умею обращаться с оружием.

Я покивал и залез в палатку. Серый лежал на спине, раскинув руки, и храпел с открытым ртом. Лёг поверх спальника. Посмотрел время. Пять минут четвёртого.

Один час, пятьдесят минут из которого я узнавал особенности своей «участи», а за остальные десять – отказался от неё.

Не нужна мне такая «участь»! Лучше проживу обычным человеком – закончу обучение, устроюсь на работу, помогу в старости родителям и наделаю детей! И никак по-другому!

А волк же ещё говорил о том, что от меня требуется помощь. Интересно, какая? Нет, к чёрту его! Если бы это было так важно, он бы побежал вслед и, естественно, догнал. Выходит, помощь незначительна. Меня это волновать не должно. Я отказался. Найдут другого.

Сомкнул веки и, по ощущениям, уснул уже через пару минут.

* * *

Проснулся от того, что нос ласкал приятный аромат готовящейся еды. События этой ночи пронеслись перед глазами. Тяжёлых чувств они не вызвали; показалось, что произошедшее – сон, и я легко в это поверил: за прошлый вечер я очень устал и увидел нечто, сплетённое из шока от стычки с волком и надоевших уже историй о Леших. Я сел и потянулся.

Серого в палатке не было. Взглянул на время. 09:11.

В горле пересохло. Взял пакет сока, потряс. Последние граммы бултыхались на доньшке, но смочить горло хватило. Ещё бы что-нибудь перекусить и будет замечательно, к походу домой подготовлен.

Выбрался из палатки. Ничем не передать то чувство, когда выходишь из тепла на студёный влажный воздух; ничто так не придаёт бодрости. Не все ещё проснулись – у кострища сидели Серый и Костя и вполголоса болтали. Заметив меня, подняли руки, здороваясь. Я ответил. Аня, Марфа, Люба, Зина готовили на огне суп. Его аромат и разбудил меня. Илья Матвеевич сидел в стороне на бревне, осматривал оружие. Посмотрел на меня и поспешно опустил глаза. Значит, замечание я сделал, и не говорит ли это о том, что разговоры с волком были на самом деле?

Я встряхнулся, отгоняя наваждение, и подсел к парням.

– Что снилось? – поинтересовался Серый.

– Ты не поверишь – что я стал Лешим.

– О, это интересно! И что ты видел?

– Что со мной разговаривал волк...

– Да, он умеет общаться с животными.

– Он показал мою хижину...

– Что в ней было?

– Разруха, ломанная мебель и всякие бумаги. Ещё он показал, как перемещаться по лесу.

– И как?

– Прикладывал руку к стене и проходил как через портал.

– Блин, клёво, было!

– Да так, не очень.

В тот же момент из леса вышли Мария Фёдоровна и Коля. Она подняла руку вверх с телефоном и радостно крикнула:

– Ребята, я договорилась! Мы остаёмся ещё на один день!

Все одобрительно крикнули «Ура!», в том числе и Серый. Я же выругался, смутив этим парней.

Просто замечательно! Ещё один день в лесу. Где она только связь умудрилась найти? Включил телефон. Палочек не было, более того рядом стоял крестик. «Только экстренные связи» говорило о полном отсутствии сети.

Мария Фёдоровна присела к кострищу и принялась подкидывать палки в огонь, когда я обратился:

– Мария Фёдоровна!

– Доброе утро, Вадим. Как выспался?

– Хорошо. А где вы связь нашли?

– Здесь холмик недалеко есть, метров пятьдесят по тропинке. Он ещё с пеньком на вершине. Взобралась на него, кое-как смогла дозвониться до ваших родителей. Если хочешь туда пойти, возьму кого-нибудь с собой для безопасности.

– Да я так, просто спросил.

Остальные потихоньку выползали из палаток. Видать, их тоже разбудил аромат похлёбки.

Все расселись перед костром. Каждому разлили по тарелкам и раздали хлеб. Либо я был очень голодный, либо его хорошо приготовили, но он получился отменный, и съел всё, даже подобрал хлебом остатки.

Еда помогла справиться с болью в голове. Странной она была: похожа на то ощущение, когда сломал отцовскую вещь, после чего слышишь его шаги в коридоре, и с трепетом ожидаешь его реакции при входе. К чему бы это?

Мария Фёдоровна заметила, что я быстро справился, и попросила сходить за водой. Я не возражал – хотелось размяться и умыться. Взял два котелка и пошёл к роднику. На ходу надел наушник и включил музыку. Настроение постепенно поднималось.

Родник располагался недалеко, но этого расстояния хватило, чтобы я пошёл в припрыжку и запел ломанным голосом в унисон Беннингтону. Боевой дух на высоте. Но мысли будто были этому не рады и упрямо возвращались к моей «судьбе», поведенной волком.

Это сон, настраивал сам себя. Сон и ничего более.

Пришлось лечь на доску, чтобы умыться. Вода холодная, прямо то, что нужно. Ополоснул руки, затем лицо. Набрал первый котелок и сделал из него три осторожных глотка, чтобы не застудить горло. Вот теперь просто великолепно.

А что, неплохая идея с походом, подумал я. Чего упирался? Побывать тут ещё денёк – что тут такого? Днём раньше, днём позже, но на море я всё равно поеду. Так что должен быть навеселе!

Но настрой дрогнул ещё тогда, когда, набирая второй котелок, я спиной ощутил, что на меня смотрят. Сразу стало как-то не по себе. Поднимаясь, посмотрел в сторону леса.

Волк. Он сидел метрах в двадцати и умоляюще смотрел на меня.

– Твою ж... – Нет, это был не сон; все эти рассказы про Природу, защиту леса, надвигающуюся опасность были на самом деле.

– Вадим...

Я покачал головой.

– Прошу, выслушай.

– И не собираюсь. Я вчера всё сказал.

– Я прекрасно понимаю тебя, но...

– Нет, не понимаешь. Тебя не заставляют бросать всё ради какой-то ерунды.

– Не говори так. Защита леса – это не ерунда. Это серьёзно, это честь. Ты должен...

– Я никому ничего не должен.

– Сейчас это не важно! Разве ты не чувствуешь?..

– Ничего я не чувствую. Уходи!

Волк же, напротив, пошёл ко мне.

Я отшагнул в сторону лагеря и тихо, но как можно резче пригрозил:

– Не преследуй меня, иначе я скажу про тебя сторожу!

Волк остановился.

– Идёт что-то страшное... – проговорил жалобно.

Я развернулся и направился к лагерю. Через десять шагов обернулся – волк на том же месте с опущенной головой.

Стыд сдавил грудь, ведь я соврал – что-то я чувствовал.

* * *

Все веселились. Снова устроили соревнования по дартсу; правила усложнились – вместо двух метров кидали с трёх. Другие играли в догонялки; Мария Фёдоровна наблюдала, чтобы они не забегали под траекторию дротика. Илья Матвеевич продолжал полировать ружьё.

Нас с Серым там не было. Мы сидели на пригорке, на «моей» хижине, куда я согласился пойти себе на риск, где кое-как, но всё-таки ловила связь. Я на сплюснутой трубе, Серый – на пне. Мы пытались хоть чем-нибудь себя занять, но связь не позволяла банально прогрузить социальные сети. Хотели посмотреть какой-нибудь один из тех ужастиков, что я накачал на планшет, но выдержали только двадцать минут – не заинтересовал, да и днём эффект другой.

– От этой связи никакого толку, – высказал Серый. – Почему все родители одобрили ещё один день здесь?

– Либо они хотят, чтобы мы отдохнули, либо чтобы отдохнули они.

– Наверное, и то, и другое. Сейчас бы сидел дома, чай пил с пирожками. Мама их просто волшебным образом готовит.

– Я знаю.

Мы разом вздохнули.

– Ничего интересного, – повторил Серый. – Нет ничего интересного в этом мире. Даже Лешего не существует.

– Что, вера в него закончилась?

– Да вот, наткнулся ещё несколько дней назад на статью в одном паблике. Взяли на разбор то видео, в котором якобы Лешего засняли. Всё разобрали. Все факты указывали на то, что это обычный грибник. До сих пор пытался как-то переубедиться, но без толку.

Я хотел сказать, что твердил об этом несчётное количество раз, но передумал – и так его любимую легенду разложили по полочкам, а ещё близкий друг начнёт упрекать.

А не показать ли ему хижину? Не рассказать о настоящих Лесных Людях? О том, что со мной происходило? Идея заманчивая, но в то же время сумасшедшая. А что, если я таким образом подписываю себе приговор? Но я ведь уже дважды отказывал, и меня не сильно пытались переубедить.

Ай, была не была!

Я ткнул его в бок и спросил:

– Помнишь мой сон?

– Про Лешего который?

– Да.

– Помню. А что?

– Это был не сон.

Серый посмотрел с издёвкой.

– Очень смешно.

– Пойдём, я тебе докажу.

– Что?

– Спускайся.

Мы спустились. Я положил руку на пригорок. Боковым зрением заметил, что Серый с непониманием наблюдал за мной. Собрался с духом и мысленно вызвал ручку. Переплетённые корни вылезли и дугой легли в руку. Силы до сих пор при мне, что в некоторой степени удручало. Дверь легко открылась.

У Серого округлились глаза.

– Обалдеть!

Я его понимаю. Окажись на его месте, реакция была бы не менее эмоциональная.

– Добро пожаловать в хижину Лешего!

Тот удивлённо вытаращился на меня.

– Ты... ты Леший?!

– Давай зайдём, я обо всё расскажу.

Землянка в освещении свечами не нуждалась – хватало солнечного света.

Я сел в проходе и рассказал всё. О том, как впервые встретился с волком, которого только я понимаю; как он разбудил меня поздно ночью и привёл в это место; поведал о нашем приключении в другой точке леса и том, как я отказался от участия Лешего в пользу семьи и друзей. Серый в это время ворошил бумагу (лишь на мгновение остановив внимание на газете, датированной 2004 годом), порылся в печи, измазав руки; можно сказать, обнюхал каждую часть мебели. Остановился, когда я закончил.

– А где был я? – спросил разочарованно.

– Ты храпел у себя в мешке.

– Блин! Ну почему всегда самое интересное происходит с тобой?!

Я лишь пожал плечами.

– Значит, Леший не может поднять воду.

– Не-а.

– Но перемещаться по лесу может. Странное распределение возможностей.

Пока он копался, я решил размяться. Встал и почувствовал нарастающую в голове боль. Вот тебе и результат резкого подъёма, подумал и следом: где-то беда. Верно, волк же говорил, что я могу чувствовать зов Природы. Но я же отрёкся! Как же хотелось выкрикнуть: «Если ты слышишь, оставь меня в покое!».

– А это что?

Серый вертел в руках какую-то тетрадку. Коричневый кожаный переплёт без надписей или других дополнений.

– Не знаю. Дай-ка.

Я сдунул пыль и пролистал пару страниц. Все исписаны.

– Что там?

– Записи какие-то. Похоже, что это дневник.

– Что написано?

– Так. – Я пробежался глазами по строкам. – Да-а... ничего такого. Кто-то проснулся, что-то сделал и лёг спать.

– Чей он, интересно?

– Подписи нет.

– Ладно, давай об это позже. Переведи меня на другую сторону.

Серый отвернулся к Порталу. Я продолжал выхватывать из дневника по слову. На первых страницах записи велись аж от 1957 года; часто встречались слова «Природа» и «лес». Это дневник прошлого Лешего? И что с ним стало? Этого волк не упоминал.

– Ну, чего встал?

– А?

– Переведи нас куда-нибудь.

– А, точно. – Потом разберусь, решил я и засунул дневник под футболку, а не то забуду здесь. Подошёл к Порталу. – Тут много мест. Куда желаешь попасть?

– Да без разницы, главное переведи.

Я коснулся стены и стал выбирать.

На одной из землянок голову сотрясла такая боль, что я невольно вскрикнул и попятился. Стало невыносимо жарко.

– Что такое?! – Серый опустился рядом. На изменение температуры никак не отреагировал – значит, это касается только меня.

– Что-то не так.

В тот же момент понял: я почувствовал пожар. Серый ведь упоминал о многочисленных возгораниях, которое вот произошло и у нас.

В ушах стояли отзвуки огня. Природа, она зовёт.

Я должен помочь!

В мозгу начались дебаты. Боролись две стороны – совесть и чувство самосохранения. Первая говорила идти и помочь; способности ещё при мне, значит, я до сих пор Леший и обязан пойти. Вторая просила не делать необдуманных поступков, а лучше вообще выйти из землянки; я неопытный защитник, только вчера узнал, что Лешие вообще существуют, и не обладаю, наверное, даже сотой долей силы. Поэтому лучше вернуться в лагерь.

Но меня воспитывали слушать совесть.

Повернулся к Серому.

– Что случилось? – спросил тот ещё более встревоженно.

– Пожар, где-то в лесу. Я должен идти туда. А ты возвращайся к нашим.

– Даже не думай! Ты без меня не уйдёшь!

– Это не шутки, Серый!

– Даже не обсуждается!

Я собирался взять его на руки, выкинуть из хижины и закрыть дверь, но понял, что сам не хотел уходить без него. Не хотел в самый трудный момент остаться один. Да и уговорить его будет сложно – в этом мы похожи.

– Хорошо, но будь осторожнее.

Я выбрал место, которое находилось на безопасном расстоянии от огня. Почувствовал запах гари. Серый прошёл первый. Сначала коснулся стены и округлил глаза, когда рука без преград прошла в землю, двигался небольшими шажками, все больше и больше углубляясь. Когда совсем пропал, зашёл я. Землянка ничем не отличалась от той, в которой побывал вчера, задерживаться не на чем.

– Темно как ночью, – сказал Серый, озираясь.

– Я всё прекрасно вижу.

Откинул дверь, и горелым запахло сильнее. Вышел и ощутил жаркое дыхание в левую щеку.

– Чувствуешь гать? – спросил Серый.

– У меня нюх, как у волка. Она идёт оттуда. – Указал в левую сторону. – Нам туда.

Мы побежали.

С каждым шагом моя скорость увеличивалась и при этом никакой тягости и усталости. Теперь я, наверное, быстрее всех в деревне. Жаль, что никому не удастся это показать.

Пришлось остановиться, когда услышал сзади крик:

– Ты куда так рванул?! Подожди!

Серый был в метрах двадцати пяти. Он держался за бок, тяжело дышал.

– Давай быстрее!

– Да не могу я!

Я подбежал к нему, опустился на корточки.

– Садись на меня.

– Совсем ку-ку! Ты упадёшь со мной через два шага!

– Поверь, ты мало знаешь. Садись, я сказал!

Он пару секунд мялся, но потом послушно сел и вцепился в плечи. Я зажал его колени в локтях, встал и продолжил бег.

– Тебе правда нормально? – спросил Серый через пару метров.

– Даже очень!

Запах гари набрал полную силу. Вскоре нас окутала дымка, и чем дальше мы продвигались, тем гуще она становилась.

Сквозь поредевшие ряды деревьев различались всполохи пламени.

– Огонь! – прокричал Серый мне на ухо.

– Вижу!

– Стой! – внезапно проорал он.

Только в десяти метрах я заметил, что путь нам пересекал родник с довольно широким руслом, для перехода через которое потребуется не одна доска, а целый мост.

Я не собирался останавливаться, так как понимал, как его преодолеть; бурлящий в крови адреналин придавал уверенности.

– Не надо! – поняв мой замысел, закричал Серый и крепче вжался в шею.

Добежав до самого края, я вложил все силы в правую ногу и оттолкнулся. Мы полетели. Серый орал над ухом, а я каждую секунду менялся в мнении: долечу, не долечу, долечу, не долечу – и более-менее сохранял спокойствие. Но когда Серый закрыл мне руками глаза, стало очень страшно. Ситуация больше не под контролем... Но вскоре ноги коснулись земли, и мы покатались кубарём. Серый пару раз вскрикивал.

Я быстро поднялся на ноги. Огонь не на шутку разыгрался. Кошмарное, но в то же время величественное зрелище! Он упорно двигался ко мне, цепляясь за траву и снедая стволы деревьев на пути.

– Ты здесь! – воскликнул волк, внезапно оказавшийся рядом. – Как я рад тебя видеть!

– Я не мог не прийти! – Я опустил на корточки – так легче дышалось. – Природа просила помощи, и я не мог отказать.

Он смотрел на меня с радостью и облегчением.

– Это и есть та угроза, о которой ты не рассказал?

– Да. Все чувствовали, что наверняка случится что-то страшное, и хотели, чтобы ты предотвратил его.

– И что нам теперь делать?

– Не знаю. Вся надежда на тебя.

Мы повернулись на треск дерева, благо повалившегося на занятую огнём площадь.

– Сделай что-нибудь, – взмолился волк. – Задержи огонь.

– Ладно, я постараюсь. А вы должны бежать отсюда – не хочу, чтобы вы пострадали.

– Я его возьму. – Волк подскочил к Серому.

– Серый?

– А? – Он всё это время сидел за мной и неотрывно следил за огнём.

– Садись на волка!

– Нет, я останусь с тобой.

– Не строй из себя героя!

– Нет, герой здесь ты! А я как Робин, буду на подстраховке!

– Это опасно!

– Знаю!

Я колебался, но в итоге сдался – медлить больше нельзя. Взглянул на волка и мотнул головой.

– Удачи, – сказал он и умчался.

Мы отбежали.

– Серый, если мы не остановим пожар... уходи, даже если я не смогу.

Он неоднозначно мотнул головой и предложил:

– Для начала бы оценить площадь возгорания.

– Да, это я сейчас...

Нужна птица. Я приложил пальцы к вискам и поискал мысленную связь. Очень много испуганных мышей, змей, белок... Нашёл и установил связь с ласточкой, что была относительно недалеко. Я уговорил её вернуться. Она нехотя согласилась и развернулась. Пока долетела, Серый предложил обоим снять футболки, после чего спустился к роднику, смочил их, и мы обвязали лица, чтобы хоть как-то спастись от дыма.

– Ох, ё-моё! – не удержался я, когда глянул через взгляд ласточки на пожарище. – Нехило огонь разошёлся! Метров сто в диаметре.

– Слушай, а точно ли...

Вадим.

– Что?

– Я говорю, точно...

– Нет-нет, подожди...

Вадим.

Это... Природа?

Да, я слушаю, – ответил мысленно.

Возьми только сил, сколько потребуется. Спаси лес от огня. Спаси....

– Хорошо.

- Ты с кем разговариваешь?
- Не сейчас, потом расскажу. Что ты говорил?
- Я спрашивал, точно ли Леший не может поднять воду?
- Так сказал волк...

Идея безумная!

То, что Леший поднял воду, миф? Что ж, придётся стать его разрушителем!

Я отбежал и спустился к роднику; Серый не отставал. Положил руку на гладь и ощутил каждую молекулу воды, увидел, как она идёт долгие километры вперёд и протекает через сотни метров тоннелей под землёй. Прошептал:

– Помогай, Природа... и ты, Робин, подстраховывай, – и направил энергию. По ручью прошла волна. Погрузил вторую руку, выдохнул и начал медленно вставать.

За руками поднималась вода!

– Да ну на!.. – Серый не переставал удивляться.

Поднял руки над головой. Вода постепенно накапливалась над нами и, по моему велению, принимала форму шара. Как же тяжело это давалось! Когда он расширился до огромного размера, стал взбираться обратно. Серый поддерживал за спину, подталкивал, приговаривая: «Давай! Ты сможешь! Господи, я не верю своим же глазам!».

Выбравшись, пошёл к огню. Несравнимая тяжесть давила на плечи, каждый шаг давался с трудом. Но я упрямо переставлял ноги, в мыслях произнося: «Давай! Давай! Давай!». Всё ближе и ближе.

На половине пути нога подогнулась, но Серый меня поддержал, и я упал на колено. Шар чуть было не свалился на нас.

– Поднимешься?

Я кивнул. Силы на исходе, но я обязан донести – это мой долг, это моя участь. Я для этого выбран. Я – защитник леса, помощник Природы!

Серый помог встать, обхватив за грудь. Сделал три неуклюжих шага и упал вновь. И больше не мог подняться...

– Природа, помоги, – взмолился я. – Я не справлюсь... не справлюсь...

Ног что-то коснулось. Обернулся и увидел, как вокруг лодыжек обвивались корни. Они сжались, и я ощутил, как через ноги идёт тепло и наливает мышцы силами.

– Что-то мне... нехорошо... – Серый ослаб и упал навзничь.

Их хватало, чтобы сделать последнее усилие: я направил шар к огню, остановил прямо над ним, образовал плоскость, скрывшую тенью всю территорию пожара. Наконец-то, подумал я, опустил руки и потерял сознание.

* * *

По щеке прошла влажная полоса. Я словил дежа-вю и открыл глаза. Лежал ничком, надоевшей нависал волк. Приподняв голову, застонал от боли во всём теле.

– Очнулся? Фу-ух, слава Богу! – послышался голос Серого.

Я попытался пошевелить конечностями, но что-то уцепилось в запястья и щиколотки. Приподнял голову – корни; от них исходило приятное тепло. Они послушно распутались, когда я подтянул руки и перевернулся на спину, и вновь обвили лодыжки.

Волк смотрел на поражённый лес. Огонь потух не весь. Та территория, которая не попала под воду, продолжала гореть, но значительно слабее.

Серый сидел рядом.

– Ох, Вадик, я думал с тобой всё. Ты так долго не приходил в себя.

– Как долго?

Он посмотрел на наручные часы.

– Где-то минут двадцать назад очнулся я и всё это время сидел, следил за тобой. Ты так медленно дышал, но из-за корней я не трогал тебя.

Недолго. Но в лагере нас могли потерять.

Пощупал карманы. Дневник до сих пор при мне; как только не выпал.

– Это очень удивительно! – произнёс волк, не отрывая взгляда от пожарища. – Ты один потушил большую часть огня. Как у тебя это получилось?

– Со мной говорила Природа.

– Сама Природа!

– Да. Она дала мне столько сил, чтобы поднять воду и перенести её над огнём.

– Невероятно! Именно поэтому я и твой друг потеряли сознание – Природа передала наши жизненные силы тебе!

– Если бы она не помогла, всё могло кончиться плохо.

– Невероятно!

– Что делать с этим? – Я кивком указал на ещё горевший участок.

– Тебе – ничего. Ты и так сделал много. Такой дым точно заметили в деревне. Пожарные должны скоро прибыть.

– Тогда нам нужно уходить.

Серый помог встать. Корни послушно распутались и вросли обратно в землю. Все тело ныло, мышцы дрожали, голову кружило.

– До землянки, откуда мы пришли, далеко. Я не дойду.

– Мы пойдём в другую, ту, что на территории пожара.

Мы побрели через погорелые завалы. Серый меня поддерживал, волк показывал дорогу. От земли ещё исходил жар, отчего нас с Серым бросило в пот. Когда углубились, услышали вой сирен.

Благо, землянка располагалась недалеко, недолго пришлось волочиться.

Я достал ручку, Серый открыл дверь. Изнутри повалил горячий воздух.

– Подождите. Пусть проветрится. А я передохну. – Присел и прислонился к двери.

Серый сел рядом.

Молчание, длившееся несколько минут, прервал волк:

– Я испугался, что ты, учуяв беду, можешь пройти здесь. Тут бы вы спеклись заживо.

– Наверное, через неё я и почувствовал пожар.

Он кивнул и поник головой.

– Слушай, Вадик, а ты можешь сделать так, чтобы я тоже понимал животных? Просто меня немного смущает, что он молчит, ты ему отвечаешь, а я вообще не в теме разговора.

– Вряд ли.

Я поднялся.

– Идём, Серый. Нас, наверное, потеряли.

Мы прошли в землянку, остудившуюся до приемлемой температуры.

– Волк.

Тот поднял голову.

– Это моё первое и последнее серьёзное дело. Извини.

– Не оправдывайся. Я сегодня обдумывал твой ответ. Ты прав, я не вправе тебя заставлять.

– Кто будет охранять лес?

– Не знаю. Не знаю...

– Прости.

Волк кивнул и пошёл в центр пожарища. Я смотрел вслед, пока Серый не положил руку на плечо.

– Идём?

– Закрой сначала дверь.

Пока он закрывал, я подошёл к Порталу. Нашёл хижину, и мы прошли. При переходе почувствовал резкий подъем энергии. Спасибо, Природа...

Когда вышли, и я закрыл дверь, послышался голос Марии:

– Вадим, Серёжа, вы где?!

Она выбежала из-за угла и облегчённо выдохнула:

– Ох, ребята! Где вы пропадали?

– Эм... здесь, – неуверенно сказал Серый.

– Вас здесь не было, когда я сюда в первый раз пришла. Подумала, мы разминулись, и вы в лагере. Побежала обратно, но вас нет и там.

– Извините. Мы просто отошли в лес и неожиданно отключились. Недавно проснулись.

– Да, было такое. Марфа чуть в угли не упала. Странно всё это. Нам нужно уходить. Неподальёку пожар начался.

– Правда?

– Вы разве дым не видели? Пойдёмте. Пора собираться домой.

Она развернулась и быстрым шагом пошла в лагерь. Мы – следом.

* * *

Спешно собравшись, наша группа двинулась обратно в деревню. Быстро дошли до выхода, от него – до моста. Круг замкнулся – всё это случилось за сутки. Хотелось верить, что я лежу где-нибудь в больнице или психушке, и это всё – фантазия.

На перекрёстке группа разбилась. Я безмолвно попрощался с Серым – он тоже не сказал ни слова – и пошёл своей дорогой.

Родные встречали с улыбками на лицах. Ответить тем же я не мог. Мама предложила поесть супа, но я отказался. Когда спросила, всё ли со мной хорошо, ответил, что меня слегка мутит и пойду лучше спать, что удивило всех, так как солнце ещё стояло над горизонтом, и часы показывали девять вечера.

За ночь проснулся один раз по малой нужде. Когда возвращался домой, остолбенел – возле крыльца неподвижно стоял волк. Я не выдержал и закричал:

– Оставь меня в покое! Зачем ты меня преследуешь?!

Схватил метлу и метнул в него. Он качнулся и с грохотом упал. Что-то рассыпалось. Подойдя ближе, раздражённо выдохнул. Это был мешок с картошкой. Сел на крыльцо и заплакал.

Просидел минут десять. Потом поднялся и зашёл в дом. Мама с папой спокойно спали, Олечку в это время вообще не разбудить. Лежал ещё пару минут и погрузился в тёмный сон.

Вечером следующего дня, пока дома никого не было, достал из рюкзака дневник. Один его вид причинял боль. Пролистал, глазами вырывая обрывки предложений. Как и раньше: кто-то проснулся, что-то сделал и лёг спать. Ничего интересного. Разве что один отрывок:... *Я до сих пор не могу понять, почему именно меня выбрала сама Природа? Чем я отличался от других? Как бы то ни было, спросить у неё я не могу, хоть и не пытался. Тем не менее, я рад, что выбор пал на меня...*

Наши мнения с автором резко расходились.

Никак не покидало чувство, что подчёрк мне знаком. Кому же он принадлежал?

Плевать – я собирался его сжечь; бросить в угли и смотреть, как последнее, что связано с Лешими, сгорает. Я подгрёб, места было предостаточно. Но что-то останавливало. Уж не Матушка ли Природа?

Затолкал обратно в рюкзак. Так уж и быть, выброшу по пути на море.

* * *

Прошла неделя. Я потихоньку отходил от пережитого. Моменты забывались сами собой. Серый понимал моё состояние и не заводил на эту тему разговор.

Билеты на поезд в Иркутск должны быть показаны проводнику через два часа. Я сложил вещи в рюкзак, где отдельном кармане лежал дневник; наушники, телефон и деньги разложил по карманам шорт. Вышел к родителям в гостиную и стал ждать времени выхода.

Рассказывали, кто чем хочет заняться на море. Я мечтательно говорил, что хочу искупаться и сравнить, так ли отличаются ощущения с купанием в нашей местной реке, как описывали уже сравнившие, как вдруг голову пронзила лёгкая боль. Я приложил руку к виску и протяжно выдохнул. Да сколько можно?!

Мама глянула на меня, вздохнула и попросила папу вывести на время Олежку. Он кивнул и вывел того во двор. Когда послышался скрип петель качели, она спросила.

– Тяжело было пожар тушить?

Я поднял голову и удивлённо посмотрел на неё.

– Что?

– Тяжело, наверное, раз понадобилось брать силы у Природы.

– Я не понимаю, о чём ты говоришь.

– Прекрасно понимаешь.

Я помолчал пару секунд, потом прошептал:

– Откуда ты всё знаешь?

– Я дочь Лешего. Как мне про это ничего не знать?

– Дочь Лешего? Что?..

– А ты думаешь, почему дедушка жил в лесу один? Он был Лешим, защищал наш лес долгие годы.

Точно, догадался я. Подчерк в дневнике – подчерк дедушки!

– Почему ты раньше не рассказывала?

– А ты представь, что все, о чем ты узнал, я рассказала тебе лет в восемь, как сейчас Олежке. Ты бы ничего не понял, а узнал бы о том, что придётся ещё и уйти, вообще отказывался идти в лес.

Я промолчал.

– Я знала, что этот день когда-нибудь наступит. Хотела поговорить на эту тему, но не знала, когда. Боялась. И тут этот поход. Хорошая возможность узнать все самому.

– А папа знает?

– Он женился на дочери Лешего. Ему нужно было это знать.

Я не знал, что и сказать.

– И что нам теперь делать?

– Мы обговорили это и решили тебя отпустить.

Я никак не ожидал такого ответа. И поданного так прямо и легко, как простую обыденность.

– Что?

– Это твоя судьба.

Я замотал головой. Сколько раз я это уже слышал! Судьба, участь... уже тошнит от этих слов. Получается, не мы – вершители своих судеб, а великая всезнающая Природа, которая вот так круто может поменять жизнь!

– Но почему именно я? Почему Природа выбрала меня?

– Тебя выбрала не Природа...

– Всё равно! Это не мой выбор. Я не хочу. Не могу.

– Можешь. Должен. – Она встала и вышла из дома.

Я остался на месте и заворчал под нос, как несправедливо они со мной поступают!

Но, если подумать, дедушка, будучи Лешим, завёл семью и вырастил дочь. Получается, ничего не изменится? Я искал пути, как обогнуть эту схему, переписать сценарий, но таких не нашлось. И если откажусь сейчас, от меня ведь не отстанут потом. Будут всю жизнь досаждать, а если вдруг найдётся тот, кто меня заменит, будут искоса поглядывать. Так и вижу эти взгляды: «На тебя рассчитывали, а ты повёл себя как ребёнок»...

Я выругался, вскочил с места и вышел из дома. Папа качал Олежку, мама наблюдала за ними. Все трое посмотрели на меня.

И я сказал:

– Хорошо! Если от меня это всем надо, я стану Лешим!

* * *

Мы всё-таки съездили на море. Отдохнул плохо – всё, что задумывал, больше не привлекало. По приезду обратно вернулся к волку. Он был в хижине, как я и думал.

– Не говори ничего, пожалуйста, – прервал его стремление что-то сказать. – Все меня просили вернуться, и я согласился.

– Хорошо. Как себя чувствуешь?

– Подавленным и брошенным. Меня, можно сказать, все бросили... Ничего, переживу.

Мы молча постояли.

– Я тут подумал, а что будет с классом и школой? Я же не доучился ещё один класс.

– Мария все сделает как надо. Она же тебя привела, как Природа и просила.

– Что?!

– Да. Об этом я тоже не говорил. Когда тебе понадобится помощь, зови Марию. Она поможет.

– Но ты сам говорил, что женщины не могут...

– Она не Леший. Но она помощница Природы и умеет многое, например, убеждать.

– Помню, как умеет. Создаётся ощущение, что каждый второй человек как-то связан с Природой.

– Все связаны, ведь все мы – её дети.

И не поспоришь.

– Итак. Вадим, готов ли ты принять жизнь Лешего и защищать лес на протяжении всей своей жизни?

– Конечно, – выдохнул я, подумав о родителях и Олежке. – Можно было и без пафоса. С чего начнём?

– Во-первых, с обустройства жилья, во-вторых, с восстановления сил.

Спустя неделю хижина годилась для проживания. Полувековую бумагу, ранее раскиданную по полу, сложил в стопку возле печи. Дальнейшее её предназначение – растопка. Саму печь очистил от сажи – с трудом, так как она сильно въелась в железо. Старый чайник, который нагревается от огня, выкинул в мусорку и заменил новым. Остатки развалившейся мебели вынес наружу; остались только кровать, которую собрал с папой, и столик. На нём – вазочка, сахарница, пара стаканов. Привезли новое удобное кресло.

Один минус: земля не пропускает связь. Беда. Но и с этим что-нибудь решится.

Час назад ушёл Серый – он чуть ли не каждый день навещал меня; «Мама с папой радуются, что я всё меньше времени провожу за компьютером, но удивляются, что интересного нашёл в лесу». Каждый раз приносил занятные новости: братья Моргуновы утверждают, что около деревни завелась целая стая волков; Илья Матвеевич подписал себе позорный приговор, когда рассказывал парням про охоту и рыбалку – те пересказали услышанное отцам, которые подняли его на смех; пустили слух обо мне, мол, я на месяц уехал к дальним родственникам, а

ближе к его концу пустят, что наша семья решила переехать в город – маме с папой придётся переселиться туда, чтобы не вызывать лишних вопросов; и, пожалуй, самая главная новость – пожарные, прибывшие на тушение возгорания около нашей деревни, остались в замешательстве, натолкнувшись на обширное пожарище, затушенное водой; легенда о Лешем начинает набирать сторонников.

Оставшись один, я дочитывал дневник под светом свечей. Первичный беглый осмотр оказался обманчив: между сменой дней нашлось много интересных моментов, а также жизненного опыта, что мне в будущем однозначно поможет. Он заканчивался следующими словами:

...Этот день настал. 65 лет я стоял на страже леса. Пора выходить на пенсию, если отдых после службы Лешим так можно назвать. Я слаживаю свои полномочия и покидаю хижины, чтобы её занял мой правопреемник. Я знаю, кто им будет: Природа этим утром говорила со мной. Спустя столько времени я наконец услышал её голос. Она сказала, что даёт мне право выбрать преемника, того, кто займёт моё место. Достойного, верного, того, кому можно доверять. В моей отшельнической жизни было мало людей, но, слава тебе, Природа, я смог завести семью, которая и воспитала мне преемника, достойного встать на моё место. Им будет мой внук, Вадим Волков.

ЧУЖОЙ ДОМ

Табачный дым опустился в лёгкие. Почему от такой дряни становится так хорошо? – в который раз задумался Андрей Тарасенко и в который раз не стал искать ответ. Он сидел на крыльце перед дверью в сени. Ночь выдалась ясной – полнолуние. Лампа, освещающая двор, не горела, посему луна осталась единственным источником света, отбрасывая во двор мрачные тени.

Сизый дым столбом поднимался от горящего конца сигареты, последней на этот день.

С курением Андрей познакомился ещё в десять лет. Местный тогда хулиган, гроза среди младшеклассников, Серёжа, взял Андрюшу на слабо, и тот по глупости поддался. Уже после первой затяжки запершило горло, а из лёгких вырвался кашель, чего хватило, чтобы появились мысли выбросить из головы всякие идеи насчёт курения. Ты просто не распробовал, заявил Серёжа и несколько дней подряд вылавливал его после школы и брал на понт. Вскоре дым им завладел, и Андрей стал очередным табачным наркоманом. С каждым годом количество выкуренного увеличивалось – к тридцати годам употреблял в день две полные пачки. Доктор предупредил, что, если он не прекратит столько дымить, велик риск заработать рак лёгких. Андрей прислушался к наставлениям и начал потихоньку отказываться. С течением лет количество упало до одной пачки, а затем половины, и сейчас, в сорок два, он употреблял только две штуки в день: ту, которую выкуривал утром для полного пробуждения, и ту, без которой не мог уснуть. Но и от этого собирался избавиться – заменить какими-нибудь карамельками. Покупать всякие пластыри или пшыкалки, якобы помогающие бросить это пагубное занятие, не собирался – считал бесполезной тратой денег.

Холод опустился на землю, стоило солнцу скрыться за горизонтом, и с каждым часом только крепчал. Андрей плотнее укутался в шерстяную рубаху, дыкнул на ладони. Стоял конец сентября. Скоро придётся пригитавливаться ко сну в тепляке или дома перед печью.

Вдруг в дверь, ведущую на улицу, настойчиво и громко застучали, и послышался шёпот: – Откройте, откройте, откройте...

Андрей от неожиданности обронил сигарету и, когда горящий конец обжог кожу на ступне, выкинул вперёд ногу; бычок влетел в окошко тепляка и упал на тротуар. Дворняга залаял из конуры. Обругивая нежданного гостя, Андрей стряхнул со стопы пепел.

– Кого черти носят в такое время? – пробубнил под нос и пошёл к двери.

За ней стоял подросток, если судить по росту. Тьма скрывала лицо, но Андрей догадывался, кто перед ним.

– Рома? Что ты здесь делаешь?

Рома Баранов – худощавый паренёк, который в этом учебном году перешёл в седьмой класс, если Андрею не изменяла память. Этот парнишка – сын Сергея Баранова, не очень приятного в общении человека (который, кстати говоря, и был тем самым Серёжей, который направил Андрея по табачному пути). Он придерживался перепачканными в грязи руками за бок и тараторил:

– Помогите, пожалуйста, там... там...

– Что? Что произошло?

Рома сглотнул и хотел что-то сказать. Голос сильно дрожал – да он весь трясся. Слово уже выходило, он произнёс «уб...», но от остальной части остался неразборчивый стон.

– Заходи в ограду, – предложил тогда Андрей – не стоит вести разговор в дверях. Когда тот прошёл, выглянул. На улице всё также тихо и спокойно, как и до прихода Ромы.

Дворняга разрывался в лае, пытаясь порвать цепь или ошейник и искушать постороннего.

– Ну-ка цыц! – рявкнул Андрей. Не хватало, чтобы лай встревожил Ирину. Пёс послушно замолчал и, недовольно рыча, скрылся в будке. – Так что произошло?

Рома округлил глаза, схватил его за грудки, приблизил лицо к лицу и закричал:

– Он убил маму! Он убил их! Он убил их всех! Он убил!..

Андрей закрыл его рот ладонью. Из груди вышла пара таких же криков, но потом парень в голос зарыдал и обмяк, повиснув на руках. Его била сильная дрожь.

– Успокойся. Всё хорошо, ты в безопасности... – Андрей держал его, пока он не окреп и не встал на ноги. – Зайди в тепляк, я приду через секунду.

Когда Рома шатким ходом прошёл туда, он забежал по ступеням в сени, прошёл в дом. Ирина, его жена, натянула поперех халатика бабушкин платок и надевала тапочки.

– Я слышала крики. Что произошло?

– Пришёл Рома Баранов. Он плачет и говорит что-то непонятное. Я сейчас с ним поговорю, а ты ложись, отдыхай, и главное – не волнуйся.

Ирина проницательно посмотрела ему в глаза – лучшее оружие против лжи, – и, видимо, не найдя чего-то подозрительного, сказала:

– Хорошо.

Андрей закрыл дверь и направился в тепляк.

Рома сидел на стуле рядом со столом, обвив себя руками и слегка покачиваясь. Андрей зачерпнул в кружку воды из ведра и подал ему. Тот робко принял и в три глотка опустошил.

– Спасибо.

– Так, Рома, теперь скажи спокойно, что случилось?

– Он убил их, всех убил, маму, Данилку и... и... – он уткнул лицо в руки.

Тут Андрей понял, когда глаза привыкли к свету, что те измазаны не в грязи, а в крови. На стакане и лице Ромы остались красные следы от пальцев.

– Та-ак... – Опустился на стул рядом и медленно спросил: – Кто это сделал?

Рома вскинул голову:

– Никодим! Никодим!

– Это кто?

– Коротышка, карлик... я не знаю.

– Когда это произошло?

– Сегодня. Вечером.

– Как всё произошло?

– Я не помню, мы просто... мы... – и тут он снова зарыдал. Вытирая слёзы, размазывал кровь вокруг глаз.

Андрей плеснул водой в лицо. Тот испуганно вытаращился.

– Послушай, Рома, если ты не успокоишься и не расскажешь всё по порядку, я не смогу помочь. Поэтому успокойся. – Подал полотенце. – Здесь ты в безопасности, тебе нечего бояться. Начни с самого начала, а там ты и вспомнишь то, что случилось.

Рома, протерев лицо, несколько секунд смотрел на него, потом кивнул:

– Хорошо. – Глубоко вдохнул. – А с чего начать?

– С самого начала. Кто такой Никодим, почему он всех... убил.

– Но всё это началось давно, несколько месяцев назад.

– Но торопиться нам ведь теперь некуда. – Андрей понимал, что прозвучало жестоко для Ромы, но ведь правдиво.

Рома вновь вздохнул и начал:

– Ладно. Всё началось... не знаю... наверное, месяцев шесть назад. Тогда уволили папу – он работал сторожем на каком-то складе. Говорили, он уснул на посту, и склад обокрали. Он тогда поехал пьяным, перед этим купил ещё самогона. В таком состоянии ездил через раз. На следующий вечер вернулся и начал орать: в начальстве сидят одни идиоты и сволочи, правительство страны и района постоянно смотрят не туда, куда вообще нужно, и папа вообще здесь не причём, он не был виноват, что уснул. Потом перешёл на нас: мама – вшивая подстилка, потому что Данилка якобы не от него; что мы с Данилкой всё время сидим у мамы «под юбкой» и сосём пальцы, при этом скрывая от родного отца, кто мамин хахаль, – в общем, всякую такую чушь говорил. Потом ударил маму, да так, что синяк не сходил целый месяц, и ей приходилось носить тёмные очки. Данилка громко плакал, я пытался что-то возразить, но он хлопнул нас обоих ладонью и сказал, что мы должны молчать в тряпочку, пока он не разрешит говорить...

Рома остановился. Пару раз сглотнул, сдерживая подступающие слёзы, и продолжил:

– Мама кричала не трогать нас, пыталась отвести его от нас, но он её оттолкнул, ушёл к двери, громко-громко крикнул, чтобы мы все сдохли, и вышел, так хлопнув дверью, что она чуть ли с петель не слетела. Через минуту в окно влетел камень...

Андрей покачивал головой и внимательно слушал. Вся деревня знала, что Сергей часто выпивал и иногда мог принять с излишком. Никто не сомневался, что скоро дойдёт до избиения жены, но чтоб ударить детей...

– Он ушёл, – продолжал Рома. – Ничего о нём не было слышно три дня. Потом вернулся и на коленях извинялся. Клялся всем на свете, что больше не будет выпивать, бегал между нами: маме предлагал кремы да мази, чтобы синяк поскорее сошёл, мне и Данилке покупал сладости, игрушки, диски с фильмами. Не простить мы не могли – я мог выполнять дела по хозяйству, но в основном всё держалось на нём. Данилка сразу простил – не умел он злиться. А мы с мамой подозревали, что всё это недолго будет продолжаться.

Так и получилось – через неделю он стал покупать целые упаковки пива, которое распивал перед телевизором, и только иногда просматривать газету в поисках работы. Стал огрызаться по непонятным причинам – все вокруг были в чём-то виноваты, и один он был прав во всём. Утром возился со скотом, а как я приходил со школы, снова усаживался перед телевизором. На просьбы помочь отвечал, что он меня родил не для того, чтобы я сидел у него на шее, и в этом роде... Можно ещё воды?

Андрей молча встал, зачерпнул воды и подал Роме. Тот выпил половину, отставил стакан и продолжил:

– В общем, я хочу сказать, что всё началось после того ужасного вечера. Да, ещё до него папа выпивал и ругался с мамой, но именно после того скандала стали происходить странные вещи.

Ещё в дни отсутствия папы в подполье что-то начало скрести. Наша кошка тогда совсем спятила: то целыми днями сидела перед спуском и смотрела на дверцу – сколько ни звал, даже головы в мою сторону не поворачивала, – то начинала носиться по дому как ошалевшая

и шипеть на всех. Думал, что внизу мыши или крысы завелись. Один раз спустился, чтобы набрать картошки, и заметил, что одна из морковин надкусана; были видны чёткие следы маленьких зубов. Я тогда очень удивился и немного испугался, но никому не рассказал. Потом, после того как папа начал ежедневно выпивать, кошка вовсе сбежала. Данилка плакал по ней, хорошая она была, пока папа не заставил его заткнуться. И вот, в одну ночь, когда я чем-то отравился и каждый час бегал в туалет, возвращаясь в дом, а из кухни слышно топот маленьких ножек. Я бегом туда – там никого, только вся кошачья еда в миске съедена. Честно, в те секунды я чуть не наложил в штаны, пришлось возвращаться в туалет. Так тогда и не уснул...

За кошкой спятила собака – начала постоянно лаять в сторону дома. Папу это злило, но сколько бы он ни кричал, ни бил её, она не унималась. А в одну ночь попыталась убежать. Под воротами есть небольшой проём, куда она пролезла, но цепь зацепилась за гвоздь, и она задушила саму себя. Я вообще не понимал, как так получилось? Что могло заставить её так рваться сбежать, что она умудрилась удушить саму себя?

Примерно через неделю случилась ещё одна странность: у папы пропала целая упаковка пива. Когда он проснулся, начал кричать, мол, куда мы её спрятали. Она оказалась в подполье – всё пиво было слито в яму, где мы обычно храним свёклу. Возле кучи пустых банок лежало несколько половинок морковок, таких же, как та, которая я нашёл. Папа подумал на Даню, и, сколько тот не отговаривался, жёстко, до крови, выпорол прутом. Крик стоял на весь дом. Я... Я не верил, что это сделал Данилка. У него бы просто сил не хватило поднять упаковку. А если бы потащил её по полу, то скрип разбудил бы папу...

Каждый день был похож на предыдущий: папа сидит и огрызается на каждого, я с мамой делаю всю тяжёлую работу, Данилка играл сам с собой. Точнее, с кем-то. У нас в печи возле топки есть такое место, выемка, куда мы сбрасываем грязную одежду. Это стало любимым местом Дани. Он там постоянно сидел и разговаривал сам с собой. Я пошёл как-то, значит, к нему, спрашиваю, с кем это он там разговаривает, и снова услышал топот. Смотрю – какая-то тень шмыг! – и в дыру для котов. Спрашиваю Данилку, с кем он разговаривал. Он ответил, что с Никодимом. Спрашиваю, кто это, на что он ответил, что его новый друг. Я подумал, что он привёл в дом какого-нибудь бродячего кота, поэтому не стал об этом беспокоиться...

Банки с пивом по одной продолжали пропадать. Папа думал, что мама их незаметно выпивает, и каждый раз давал сильную пощёчину...

Где-то под конец июля я, мама и Данилка решили съездить в город: мама – закупиться продуктами, я – выбрать одежду к школе, а Данилку просто было страшно оставлять одного с папой. Ночью, перед поездкой, мне приснился странный сон. в точности не помню, но его можно связать с тем, что случилось потом. Стою перед подпольем. Слышу льющийся звук и хруст с чавканьем. Дышать тяжело, боюсь пошевелиться, но аккуратно поднимаю дверцу, а внизу возле ямы сидит какой-то коротышка. Берёт по банке из упаковки и выливает в углубление. Ест морковь и половину откидывает к банкам. Я в испуге вздохнул, не громко, но он меня услышал. Острое ухо дёрнулось, он отбросил банку и стал оборачиваться. Я знал, что нужно бежать, звать кого-то, но не мог пошевелиться. Я хотел увидеть его лицо. Он почти повернул голову, показался кошачий глаз, до уха донеслось одно слово – лжец... и тут я просыпаюсь – от того, что папа кричит, что его кто-то душит. Выбегаю из спальни и снова замечаю тень, как та проскочила в прихожую в сторону кухни. Мама стояла над папой, а он открыл глаза, посмотрел на неё и как закричал, что она удумала его задушить. Встал и со всего размаху дал пощёчину. Мама ответила, что его убить мало. Тогда он схватил её за горло. Только когда она захрипела и посмотрела на меня, я вышел из ступора. Я не знал, что делать, потому просто подбежал к папе и начал бить по рукам. Папа оттолкнул нас обоих, потом схватил футболку и штаны и вышел из дома, громко хлопнув дверью. Мы все пару секунд не шевелились, потом Данилка захныкал, и мама встала, начала успокаивать его.

Утром он вернулся, когда мы уже собирались, и без слов сел к телевизору. Ближе к выходу он крикнул, чтобы мама купила пива, хотя у него и так было две упаковки. Мама сказала то же самое. Я как раз закончил завязывать шнурки, поднимаюсь и вижу, как в стену влетает банка, а папа крикнул, чтобы купила, иначе... а что «иначе» уже не помню. И вот, приезжаем обратно, я тащу пиво, заходим в дом, а там папа... Ужас! Он свисал со спинки дивана, его горло перерезано от уха до уха, а изо рта торчит банка...

Рома выпил остатки воды. Андрей набрал новую кружку. Сначала выпил сам – горло пересохло, – потом поставил перед парнем. Слухи по деревне проходят быстро, поэтому весть об убийстве Сергея дня через два знали все. Но про такую подробность, как банка во рту, не знал никто.

Рома продолжил:

– Установили как самоубийство. На кухонном ноже нашли только наши следы, но алиби у нас было железобетонное. Всех смущала только банка, но как я понимаю, эту деталь опустили.

Той же ночью я проснулся от того, что начал задыхаться. Очнулся и чувствую, что на груди кто-то сидит. Горло сжимали две маленькие руки: одна обычная, человеческая, другая лохматая с острыми когтями. Чувствовал дыхание, похожее чем-то на аромат свежего хлеба, только смешанный с чем-то протухшим. И что самое страшное: я не мог пошевелиться. Совсем. И звука издать не мог. Не знаю, сколько это нечто сидело на мне, но казалось, что очень долго. Сидело, пока не послышалась возня в гостиной. Оно соскочило и меня тут же отпустило. Я сел, осмотрелся, но никого не было. Прошёл по дому, заглянул во все углы, заглянул в выемку в печи, но не нашёл его, никаких следов, что оно вообще было...

Где-то в середине августа поехала крышей мама: продала весь скот, а это двадцать кур, три кровы и две свиньи, и заготовленное сено за лето. Выручила приличную сумму, которую тратила не на еду или мебель домой, даже не на переезд в город, а на всякие кофточки, сапожки, ожерелья, серёжки, – в общем, всякую мешуру, чтобы соблазнять мужиков. Покупала самогон у соседей, выпивала с ними и... кувыркалась в постели. Каждые два дня приводила нового хахалю. Нас с Данилкой она выгоняла ночевать в тепляке, а ночью после жарких дней там очень душно. Уборку забросила – пыли и грязи становилось всё больше. Звуки и странности вернулись, но я особо на них внимания не обращал – мы с Данилкой практически всё время проводили в тепляке.

Последний наш разговор был на прошлой неделе. Я вернулся со школы, заметил, что телевизора нет, а мама пересчитывает деньги. Сразу всё понял и спросил, зачем она это сделала. Она посмотрела на меня красными глазами и еле проговорила, что ей нужны деньги. Я начал кричать, спрашивать, как она может плевать на нас с Данилкой и ложиться под этих своих любовников. Мама только и повторяла, что я ничего не понимаю. А когда сказала, что не хочет ничего слушать, я сказал, что она больше не слова от меня не услышит, собрал школьные принадлежности и ушёл в тепляк. Больше с ней не разговаривал. Вместе с Данилкой делил кровать, топил печь, кое-как готовил еду. Продукты брал из дома, обычно под утро, когда мама с мужиком спали в обнимку. Так всё и продолжалось – до сегодняшнего вечера...

Да, я вспомнил, что случилось.

Я шёл с туалета и услышал из дома крик. Бегом туда, смотрю в окно, а там очередной любовник бьёт маму. Она снова в стельку пьяная, а вот он трезвый. Он требовал, чтобы она долги возвращала, не то убьёт. А между ними Данилка – мама, наверное, его привела из тепляка, чтобы прикрываться. Влетаю в дом, отвожу Данилку в сторону, встаю между мужиком и мамой, но тот ударом поддых сшиб меня с ног, потом схватил за волосы и приставил к горлу нож. Красивый такой, охотничий, чуть-чуть задел кожу и уже порезал. Пригрозил, чтобы мама несла деньги, иначе убьёт меня. Но она не успела ответить, где хранились последние копейки, потому что начался настоящий кошмар.

Во всём доме погас свет, а через секунду пошёл нарастающий визг, такой, что аж уши закладывало. Мужик выронил и меня, и нож, отошёл спиной к спальне, как вдруг оттуда что-то вылетело ему в голову. Он заорал, упал на пол, потянулся к затылку, из которого торчала ручка ножа, но очень скоро обмяк и перестал дышать. Мама закричала, вскочила и убежала в прихожую. Я – за ней, и успеваю увидеть, как дверь захлопывается прямо перед ней. Она отшатывается и оборачивается, а я замечаю, как по верху шкафа пробегает какой-то маленький силуэт и прыгает за неё. Она тут же выгнулась, завизжала и полушаге упала мне на руки. Она так смотрела на меня, с таким ужасом в глазах, и стонала, пока совсем не ослабла и не выскользнула из рук. Я посмотрел на руки, понимая, в чём они, потом на спину мамы – вдоль позвоночника проходила резаная линия. И тут я закричал.

Дальше всё как в тумане. Помню только, как кричал Данилка, наверное, когда Никодим его убивал, помню, как кинул стул в окно прихожей и выпрыгнул через него, а дальше только бегу...

На некоторое время повисла тишина. Только в это время Андрей заметил, что держит между пальцев сигарету. На столе лежало ещё три бычка. Он затушил её и спросил:

– Скажи, Рома, а почему ты прибежал именно ко мне?

– Я же говорю – всё было как в тумане. Я пришёл в себя, только когда устал и почувствовал что-то в боку. Вытащил и этим оказалась вилка. – Рома подтянул футболку – в боку четыре красных точки. – После этого туман в голове пропал. Осматриваюсь, а рядом ваш дом.

– И что ты думаешь делать?

– Не знаю... не знаю... Я подумал, вы мне поможете.

Андрей почесал подбородок. Воистину сумасшедшая история! – думал он. Хоть бери и снимай на его основе фильм ужасов. А правда это или нет? Конечно же, неправда! Карлик-убийца, блин! Складно придумано... Но кровь. И рана от вилки. Розыгрыш? Да нет, не похоже. Может, там действительно случилось что-то серьёзное. Любовник Маши мог учинить такую резню. Но опять же – такая история, долгая и подробная... Чёрт, надо сходить, проверить.

– Надо возвращаться.

Рома посмотрел на него как на сумасшедшего.

– Нет, я никогда туда не вернусь!

– Надо, Рома. Вдруг Данилка жив. – Андрей решил придерживаться истории.

– Этот Никодим – убийца! Он убил маму, её хахаля, а Даню уж тем более – он и сопротивляться бы не смог!

– Он знает его, понимаешь? Ты сам сказал, что Данилка с ним разговаривал, играл, и, что вероятно, сдружился. Значит, этот Никодим не сделает ему ничего плохого. Я уверен, что Данилка жив.

Рома нахмурил брови, покачал головой.

– Мне это не нравится.

– Если ты боишься возвращаться, я могу пойти один.

– Да, я боюсь. Но я пойду.

– Уверен?

Тот кивнул.

– Хорошо. Я возьму оружие – на всякий случай. Сиди здесь и жди меня.

Рома вновь кивнул. Андрей вышел.

Сейф с «муркой» находился в спальне. Ирина сейчас должна спать, нужно только тихонько открыть его и вынуть ружьё.

Но она не спала – сидела на кровати и смотрела в телефон. Экран освещал её обеспокоенное лицо. Подняла глаза, когда он зашёл.

– Я пыталась позвонить Маше Барановой, но она не отвечает.

– Вряд ли она теперь вообще кому-нибудь ответит, – ляпнул Андрей.

– Что случилось? Что сказал мальчик?

– Спокойнее. – Он положил ладони на её плечи. – Рома рассказал мне какую-то невероятную историю, в которую очень сложно поверить. Я схожу с ним до его дома и посмотрю, что да как. Не переживай, я в любом случае тебе всё расскажу, когда вернусь.

Он поцеловал её в напряжённый лоб. Подошёл к сейфу, двумя поворотами ключа открыл и достал ружьё.

– А оно тебе для чего? – ещё более встревоженно спросила Ирина.

– Поверь, оно может пригодиться. Я скоро вернусь, – пообещал он и поцеловал жену в щёку.

Дома Барановых и Тарасенко разделяли магазин «Колосок», где продавали не очень свежие продукты, и одиннадцать жилых участков. Рома пробежал более двухсот метров, чтобы привести помощь.

– Я не помню, закрывал ли двери во двор, – шепнул тот, взялся за ручку-кольцо, попытался осторожно, без шума, поднять засов с другой стороны, но тот звонко стукнулся о металл. Звук получился достаточно громким.

– Блин, – прошептал и толкнул дверь.

Участок между дверью и входом в коридор был уложен белыми кирпичами. Посреди небольшого двора стоял грузовик, борта кузова которого прогнили и потрескались, голубая краска кабины в некоторых местах осыпалась, показывая первоначальную зелёную покраску. Им очень давно не пользовались – двор в принципе казался бесхозным.

Они зашли по ступеням и встали возле прохода в коридор. Рома обречённо метал взгляд между дверью, Андреем и окном. Андрей же не волновался – разум сводился к мысли, что резню в доме учинил новый друг Марии. И если тот был в стельку пьян, то сейчас спит на диване сном младенца, совершенно забыв о произошедшем; если же трезвым – давно ушёл восвояси. Он ударом плеча вошёл в коридор, быстро открыл дверь в дом и вскинул ружьё, которое зарядил ещё во время молчаливого похода по улице.

Прихожая пустовала. Труп Марии исчез – если верить словам Ромы, он должен был покоиться у прохода в гостиную. Окно, через которое тот сбежал, занавешены.

Вошли. Прихожая осталась такой, какой помнил Андрей – последний раз он посещал эту избу лет пять назад, когда Сергей просил помочь забить свинью, и Мария накрыла здесь стол. Он поддел шторку стволom и отвёл в сторону. Окна не было вовсе, но вокруг – ничего; ни стекла, ни щепок от рамы.

Это ещё ничего не доказывает.

Показал Роме на кухню, расположенную прямо напротив входа, а сам заглянул в гостиную. Также пропал труп мужчины, даже пол от крови очищен.

Всё ясно, подумал Андрей. Розыгрыш, но очень проработанный. И я повёлся...

Внезапно раздался крик, от которого у Андрея сердце подскочило. Обернулся – Рома повалился на спину. Его кулаки были прижаты к груди, друг на друге. Он хрипел, двигал челюстью – видимо, пытался что-то сказать. Потом глаза закатились, голова откинулась, руки сползли на пол. Из груди, из области сердца торчал нож.

Не успел Андрей ничего подумать, как вскричал от боли, когда в плечо что-то вонзилось. Отшагнул в центр прихожей, вытащил предмет – то была столовая вилка с длинными зубьями. Преодолевая слабую, но неприятную боль, приставил приклад.

Воцарилась тишина, но ненадолго: пошёл неразборчивый говор. Понять, откуда доносились эти непонятные слова, не представлялось возможным. Потом голос смолк и сказал на понятном русском:

– Этот дом – мой.

Андрей, кружась на месте, разыскивал источник звука.

– Это дом – МОЙ! – повторилось из-за спины.

Обернулся к кухне – никого.

– Он мой! Только мой!

Андрей отступил к столу – так он мог контролировать обе комнаты. Проглотил подступивший к горлу комок и проговорил:

– Кто ты такой? – Сердце бешено билось в груди. Дышать становилось труднее – закуренные лёгкие давали о себе знать.

Ответ пришёл не сразу:

– А я думал, что меня должен знать каждый человек. Я – хранитель этого дома.

– Твоё имя Никодим?

– Правильно. А твоё? – поинтересовался Никодим по-хозяйски вежливо.

– Андрей. – По лицу потекли капли пота. – Никодим, почему ты убил Барановых?

Послышался тихий хохот.

– Объяснить? Хорошо. Раз ты мой гость, я отвечу. Понимаешь, в самом начале, когда они только сюда заселились, я не хотел этого делать, даже не думал об этом. Я был добрым старичком, живущим под печкой. Но эта семейка испортила меня. Отец – трусливая свинья, мамаша – продажная тупая девка, старший сын – сопляк, весь в папашу. Все они – шаврики, не ценящие ничего, кроме своих причотей. Убийцу из меня сделали они.

– Что они такого сделали?

– Уничтожали этот дом, портили всё, к чему прикасались.

– И дети? В чём они виноваты?

Снова еле слышимый хохот.

– Много тебе рассказал старший отпрыск? Как я понимаю, рассказал про всю свою семейку, про всех их грехи. Но что сказал о себе? Конечно, мало чего, зачем портить о себе мнение, если можно выйти из этого положения жертвой.

– Что ты имеешь в виду?

– Он не любил свою семью. Даже хуже – просто ненавидел! Как только родился брат, всё внимание родителей было приковано к младшему. Знаешь, как он бил его, причём без всякого повода? А сколько раз подставлял? Я знаю, потому что я всё это видел. Я хотел как-то помочь малышу, но не мог. Догадываюсь, что ты знаешь историю про яму с дрянью из жестянок, и парень, верно, провернул её в свою пользу. Будто это сделал я. А что, если я скажу, что это сделал он? А?

Андрей молчал.

– Это он слил всё и подставил братика. Ему нравилось, когда его били, наслаждался криками. Морковки? Да, это я их жевал, мне тоже нужно питаться. Раньше люди почтительнее относились ко мне, оставляли пропитание. А в нынешнее время приходилось питаться чем угодно. Старший собирал их и подкидывал в нужное для него место. Каждый стон, каждый крик младшенького щемил мне сердце.

– А где он сейчас?

– Он умер! – неожиданно взвизгнул Никодим. – А знаешь как? Старший прикрывался им, когда я пытался его прикончить. Кинул в него вилку, но промахнулся, и попал в бочину. А нож попал в младшенького, когда старший закрылся им, – и прямо в сердечко! Я не хотел этого!

В голосе слышалось сожаление. Видимо, Никодим действительно привязался к Данилке.

– А как он не любил маму. Родную мать! Каждый день таскал у отца банки этой пенистой дряни и выпивал с наслаждением, с причмокиванием! Улыбался, когда слышался шлепок отцовской ладони об материнскую щеку. А отец... Я пытался придушить этого выродка во сне, но мне помешали. Зато днём, когда он был совсем один, я предстал перед ним. Видел бы ты его лицо в этот момент. Хоть человек сильнее меня, однако, я быстрее и ловчее. Знаешь, какое

получил наслаждение, когда резал его плоть, когда горячая кровь заливала руки! Банку в рот вставил напоследок, не удержался.

Андрей опустил ружьё, но держал наготове.

– Отец призрачил каждого члена семьи, мать любила его, как собака любит палку, старший отпрыск ненавидел всех и только младший был огоньком среди всей этой беспросветной тьмы лжи и ненависти, пытался любить семью, но чем она ответила? Так кто здесь настоящий монстр?

– Всю ненависть, – продолжил Никодим, не дождавшись ответа, – что испытывала друг к другу эта семья упырей, впитывали стены дома. Печь, сердце дома, умирала! Тепло долго не задерживается, вся потрескалась. Они убивали дом! Я с самого начала оберегал его, хранил тепло и уют, помогал хозяевам, но они всё окончательно испортили! Да, здесь также до этого жили скверные семьи, и все они рушили целостность очага, что я сохранял, но эти люди стали последней и самой крупной каплей. Я больше не мог терпеть, не мог! Поэтому я очистил дом от них! Теперь он только мой. Мой по праву!

Андрей слушал крик души Никодима и смотрел в пустые глаза Ромы. Он обманул его, пытался выставить всех чудовищами, но на самом деле самое страшное чудовище пряталось в нём. И перед смертью привёл его сюда, в дом, где Андрей может умереть.

– Я отпущу тебя, человек, – неожиданно сказал Никодим. – Отпущу, только никогда, повторяю – ни-ког-да! – не возвращайся сюда. Если хочешь сохранить жизнь, забудь сюда дорогу.

Дверь распахнулась, открывая путь к свободе. Андрей глянул туда, потом в обе комнаты. Никодим не показывался. Он хотел что-то сказать напоследок, но решил, что лучше будет промолчать. Приложил руку к плечу и пошёл к выходу.

Но как только наступил на порог, дверь резко закрылась, с огромной силой ударив в лицо. Андрей схватился за нос, машинально нажал на курок, выстрелив в потолок, и упал на спину.

Сзади раздался дикий хохот. Андрей развернулся и пополз задом, пока в упор не сел к двери.

Никодим всё же показался – стоял на груди Ромы. Андрей оглядел его с ног до головы: весь в шерсти, насмешливые ярко-жёлтые кошачьи глаза, остроконечные уши, что дёргались от смеха, распутившиеся лапти на ножках, дырявая посеревшая рубашка, жуткая улыбка из грязных зубов.

– Ты что, правда думал, что я тебя отпущу? Чтобы ты потом привёл мужиков, и вы спалили мой дом?

Он вырвал нож, соскочил на пол, сказал:

– Эти шаврики не отняли его у меня, а ты и подавно! – и с визгом кинулся, заноса нож над головой.

Андрей вскинул ружьё и выстрелил, не прицелившись. Вся дробь патрона попала в тельце Никодима, и тот отлетел к ногам Ромы, приземлившись на спину.

Андрей некоторое время не двигался – как и Никодим. Потом, опёршись на ружьё, поднялся. Плечо и нос пульсировали болью. Стряхнул с руки кровь, толкнул дверь. Та и не шелохнулась. Громко выругался, обернулся – Никодим пропал. Значит, обычным оружием его не победишь, да и состояние у Андрея не для погони. Но именно он держал выход закрытым. Хотя был другой – тот, через который выбрался Рома. Он доплёлся до стола, и в этот момент из гостиной крикнули:

– Ты куда не уйдёшь!

Повернулся – на диване стоял Никодим и уже замахивался большим поварским ножом. Андрей вовремя увернулся, и нож, пробив в шторах дыру, вылетел наружу. Вскинул ружьё, нажал на курок, но Никодим успел скрыться в спальне, и дробь разорвала постель.

Андрей перекинул «мурку» в одну руку и свободной взялся за край стола у стены. Рывком отодвинул, обернулся и успел заметить, как на него в прыжке летит Никодим. Увернулся, но тот вцепился в приклад и, встав на пол, потянул на себя. Андрей не отпускал, но, когда тот потянулся и подцепил когтём курок, выпустил. Никодим завалился на спину, ружьё вскинулось и выстрелило в потолок.

Никодим уже вставал, но Андрей подхватил стул и несколькими ударами загнал того в кухню и опустил ещё несколько раз, пока не начал задыхаться – дрянь в лёгких не позволяла набирать полную грудь воздуха, получалось делать короткие вздохи. Несколько лет назад я вообще бы задохнулся, подумалось ему.

Никодим лежал неподвижно. Андрей не стал дожидаться, пока тот очухается и вцепится ему в лодыжку или разорвёт ступню – если того не взял выстрел из ружья, то не возьмёт ничто. Но с ним нужно покончить. Если не Андрей, то кто-нибудь обязательно сообщит участковому о пропаже семьи Барановых. Тогда этот дом могут выдвинуть на продажу. И какая-нибудь ведь семья купит его. И что тогда? Никодим убьёт и их, даже если между родителями и детьми идеальные отношения?

Нет, решил Андрей, он никого больше не убьёт. Он подобрал «мурку» и пролез в окно.

Андрей курил в тепляке перед печью. Прошло две недели после той ужасной ночи, когда он чудом остался жив. После встречи с карликом Никодимом он всерьёз поверил в мистику. Покопавшись в интернете, нашёл подтверждение догадкам: Никодим – домовый. Мысли насчёт этого появились ещё при рассказе Ромы, но разум упорно их не принимал.

Ещё с детства закрепилось убеждение, что домовые – добродушные существа, помогающие хозяевам с присмотром за домом. А такие мультики, как «Домовёнок Кузя», его подкрепляли. Но Андрей нашёл дополнительную информацию: бывают и злые домовые, точнее – зловредные. Если хозяин ленивый, злой и жадный, то домовый ничем не будет отличаться. Хранитель домашнего очага будет проказничать: красть вещи, которые ему не нравятся, посылать дурные сны хозяевам, душить по ночам, веселиться. Барановы действительно были настолько ужасной семьёй, что довели Никодима до безумия.

Ожог на ладони опять начал чесаться. Андрей аккуратно провёл ногтем вокруг него.

...Оказавшись снаружи, Андрей добрался до входа в избу, как смог забаррикадировал двери. После зашёл в гараж, где Сергей хранил мотоцикл и необходимые для поддержания его работоспособности вещи. Его интересовал только бензин. Обильно облил ступени и стену, отбросил канистры, нашарил в карманах спички – хоть где-то зависимость с привычкой иметь в каждой куртке по коробку спичек оказалась полезной.

Руки сильно дрожали, отчего такое простое дело, как зажечь спичку, стало трудновыполнимым. У первой раскрошилась головка, вторая переломалась, третья оказалась бракованной – не успела зажечься, как погасла. На том моменте возникло стойкое ощущение чьего-то присутствия. Повернул голову к дому – сквозь стекло за ним хищными глазами наблюдал Никодим. Только сейчас Андрей ощутил как на улице холодно. Но скоро здесь будет по-адски жарко.

Нужно действовать быстрее – неизвестно, решится ли Никодим покинуть дом через окно в прихожей.

С четвёртой спичкой ничего не получилось – он промахнулся мимо чиркаша, и она упала на землю. Никодим, видимо, понял, что он задумал, раз начал царапать окно, вопя что-то неразборчивое.

Андрей громко выругался и присел у нижней ступени. С пятой спичкой всё получилось и получилось так, что рука остановилась прямо над ступенькой, и огонёк, образовавшийся на головке, коснулся бензина. Тот вспыхнул, и огонь обжог тыльную сторону ладони.

Пламя быстро взобралось к двери, охватило её и продолжило путь по стене. Этому должно хватить, чтобы огонь поглотил весь дом. Никодим дико заорал; зарево отражалось в его обезумевших глазах.

Андрей вернул коробок в карман, перекинул ружьё через плечо и, дую на ожог, пошёл прочь.

...Выкинул бычок в топку, выключил свет и перешёл в дом.

Пару раз он задумывался: а умер ли Никодим? Может, в самый пик пожара не выдержал и покинул избу? И что, если вернётся отомстить? Андрей каждый раз тряс головой, выкидывая эти мысли. Никодим сильно любил свой дом, и, если ему было суждено сгореть, он останется с ним до самого конца, как капитан на тонущем корабле.

Он тихо зашёл в спальню, прилёг на кровать и облегчённо выдохнул, когда уставшая шея опустилась на мягкую подушку. И через несколько секунд понял, что чувствует запах горелой ткани и не слышит дыхание жены.

– Ира? Ириш?

За плечо повернул её к себе. Ирина опустилась на спину, и у Андрея перехватило дыхание – её горло было перерезано от уха до уха, выпученные, наполненные ужасом глаза смотрели на потолок.

Андрей хотел вскочить, но на щёку легла маленькая ручка, вонзив в кожу когти, и повернула его голову. Над ним стоял Никодим в обугленных лоскутах ткани. В другой руке он держал нож для нарезки хлеба.

– Око за око, урод! Теперь твой дом – мой!

ОЗЕРО СТРАСТЕЙ

К дому бесшумно подкатил «дастер» и дважды посигналил. Денис Рыжов, с нетерпением ожидающий его, подскочил с места, накинул на плечи рюкзак и вошёл в гостиную, где его мать отдыхала после работы в огороде.

– Всё, мам, я поехал!

– Давай, повеселись там. На глубину только не лезь.

– Да не полезу, не полезу. Если только меня туда не утащат...

– Ну ладно, просто будь осторожнее.

– Конечно. – Он поцеловал мать в щёку и вышел во двор.

Время было без двадцати минут пять вечера. Небо стояло чистое, солнце всё ещё палило, но не так нещадно, как в полдень, сухой воздух сушил кожу. Местные жители давненько не испытывали такой жары.

Денис закрыл дверь во двор и сел в автомобиль на заднее сиденье со стороны водителя. Самим водителем был Володя Кравченко, короткостриженный парень спортивного телосложения. На переднем пассажирском, забросив ноги на бардачок, расположилась его девушка, Алёна Королёва, симпатичная загорелая брюнетка. Володя приказал ей сесть нормально; она, вертя между пальцев цепочку, как-то съязвила (как именно, Денис не расслышал), и поставила стройные ноги на пол. Первое, что ощутил Денис, когда усаживался, – стойкий потный запах, который исходил от толстяка Гены Симонова, сидящего рядом. Гена медленно дышал, пристроившись к окошку; видимо, пытался сдержать рвоту.

Денис поставил рюкзак под ноги и поприветствовал каждого: пожал парням руки, а с Алёной поздоровался словесно.

– Ничего не забыл? – спросил Володя.

– Не должен.

– Ну, смотри.

Володя покати «дастер» дальше. Следующая остановка – лесное озеро.

По пути никто не молчал, каждый поддерживал разговор словом. Начали с оценки своего настроения и продолжили тем, что интересного произошло с ними за ту неделю, что они не виделись, подготавливая к сегодняшнему походу (кроме, конечно же, Кравченко с Королёвой, ведь они большую часть свободного времени проводили вместе), об историях, которые слышали. (Денис отметил, как Алёна собиралась что-то сказать, но вдруг закрыла рот. По хитрому взгляду и ехидной улыбочке догадался, что припасла утаённое на потом.) Затем Володя упомянул одну из актуальных сплетен их деревни, после чего начался настоящий словесный переполох: все перебивали друг друга, высказывая свою точку зрения, которую считали истинно-верной, и не воспринимали всерьёз мысли других.

Параллельно разговору Денис наблюдал за проносившимся пейзажем. По этой дороге он проезжал (и проходил) немало раз, но постоянно создавалось ощущение, что окружающее видит впервые. Как это объяснить, он не знал, да и не собирался, и сейчас, так же как много-много лет назад, в далёком детстве, с великим удовольствием рассматривает природные ландшафты.

На лесном озере он бывал с самого детства. Это место, по его мнению, идеальное для отдыха на природе, популярно как в их деревне, так и районе. Люди многочисленными группами съезжались туда провести время вне городской суеты и отдохнуть от повседневных трудностей. Вот только прибирали бы за собой мусор – иногда приходилось очищать территорию от куч из бутылок, окурков, бумаги и прочих отходов. Главный же минус заключался в расстоянии – озеро от въезда в лес отделяло двадцать километров. Для автомобилистов в том проблемы не было, в отличие от пешеходов; самое оптимальное для них решение – устроить ночёвку, чего, разумеется, многие не могли себе позволить.

Для Дениса, Володи и Гены такие поездки на два-три дня стали некой традицией. Каждый год они ближе к июлю отправлялись туда. Только последние два года приходилось сокращать сроки из-за жары. В прошлом году ездили шестнадцатого июня, в этом – шестого. Для Алёны это путешествие первое. Парни обещали показать ей все прелести того места.

Три бутылки минералки стояли в отделении за коробкой передач, так что каждый мог утолить жажду. Ещё одну держал Гена и периодически делал маленькие глоточки. Алёна отпила из одной и заявила, что вода тёплая и от неё становится только хуже. Володя лишь пожал плечами.

– Такая вот жара. Сегодня не только ты у нас самая горячая.

Алёна прыснула от смеха и шлёпнула его по плечу.

– Прекрати!

Не сдержал ухмылку и Денис.

Позже, когда все примолкли, Алёна предложила:

– А почему бы не открыть пиво? Оно должно быть прохладнее минералки.

– Нет, только не сейчас, – ответил Володя.

– Почему?

– Это принципиально, малыш.

Прозвучало это странно и не убедительно, и Денис понимал, почему. Алёна смутилась, но расспросы не продолжила.

Вскоре в животе Гены заурчало. Казалось, что внутри произвели очередь из автомата, а толщина жировых отложений заглушила звук – настолько громким получилось урчание.

– Может, чего-нибудь перекусишь? Всё равно ещё ехать и ехать.

– Не-не, спасибо, Алён, – быстро отмахнулся Гена и натянуто улыбнулся. – Я лучше потерплю.

Алёна посмотрела на Дениса, ожидая каких-то объяснений, но тот лишь пожал плечами; «Я сам их не понимаю», – хотел он сказать этим жестом. Алёна мотнула головой и отвернулась.

Но Денис соврал: он прекрасно их понял.

Дорога плавно повернула направо, дальше следуя вдоль реки. Денис помрачнел. Очень уж сильно его изменило место, которое они вскоре проехали. Он переглянулся с Геной. Тот, несмотря на температуру внутри автомобиля, бледнел на глазах. Денис вздохнул и сел прямо. Точные подробности того, что произошло, начали, как паразиты, налезть на ум. Он пытался затолкать их обратно, в ту область памяти, которую про себя называл «Не открывать!», но не особо получалось. Тогда решил отвлечься на разговор; это помогло – гнусные воспоминания нехотя, но расплзлись.

При их основной скорости в сорок километров в час им удалось бы доехать за полчаса, но земляные дороги не обходятся без ям и объездов, посему путь продлился сорок пять минут. Володя остановил «дастер», заглушил двигатель и громко объявил:

– Что ж, дамочки, мы прибыли!

Денис выбрался на свежий воздух первым. Пару раз согнул ноги и руки и потянулся. По забитым мышцам пробежала приятная дрожь.

Ребята вышли на песок. Пляж был шириной в три метра, в длину приблизительно двадцать. Солнечные лучи нагрели песок настолько, что тот обжигал ступни. Володя снял футболку, продемонстрировав остальным накаченный торс, лёг на спину и довольно застонал.

Алёна зашла в воду по лодыжки.

– Какая вода тёплая! – воскликнула, проходя вдоль берега. – А какая здесь глубина?

– Ну, я слышал, что около шестидесяти метров, – сказал Гена, сбрасывая шлёпанцы.

– Шестидесят метров? Ничего себе!

– Ну, скорее всего это на самой середине. Чем дальше, тем глубже.

– Тогда давайте плавать возле берега.

– Ха, никто не решается заплывать на самую середину, – сказал Володя, приподнимаясь. –

Мы туда завтра поплывём, только на лодках. Порыбачим. Да, пацаны?

Денис с Геной согласно кивнули.

– И что мы стоим? Кто последний в воду, тот лох!

Все начали быстро раздеваться. Алёна нырнула сразу в одежде – в шортиках и топике. Последним в воду зашёл Гена.

Прошло больше получаса с момента приезда, а ребята так и не вылезли из воды. Они плавали туда и обратно, наигранно топили друг друга, старались доплыть до дна, – в общем, резвились, как могли. Как-то Володя хотел выйти на сушу ради какого-то дела, но потом развернулся со словами:

– Да ну его нафиг, такая холодрыга! – и нырнул.

Теперь ветерок не казался таким уж тёплым, а солнце не палило. Целую неделю Денис ждал этого блаженного момента.

Всё, как видно, шло хорошо – до той поры, пока Алёна не закричала.

Денис отплыл чуть дальше, где до дна, по его подсчётам, было метра три – а может, и больше, раз не смог добраться. Всплыл и успел услышать последнее мгновение крика. Протёр глаза – Алёна быстро плыла к берегу.

– Алён, ты чего? – крикнул вслед Володя и поплыл за ней.

Денис переглянулся с Геной и направился к берегу.

Алёна вступила на песок и отбежала подальше от воды. Володя подошёл к ней.

– Алён? Что случилось?

– До моей ноги что-то коснулось, – сказала она, потирая правую лодыжку.

– Да ладно тебе! Какая-нибудь рыбёшка в тебя врезалась, а ты панику разводишь.

– А может, это чудовище! – сказал Гена и комично округлил глаза. – Я слышал, что здесь обитает страшное чудовище, которое нападает на людей, утаскивает на дно и пожирает! Я не хотел говорить, не хотел вас напугать.

– Хорош! – Денис стукнул его по плечу. – Не страшай. Почему оно тогда напало на Алёну, а не на такой лакомый кусочек? – добавил и похлопал Гену по животу.

Оба покатались со смеху.

– Придурки, – проговорил Володя. – Не бойсь, пошли.

– Нет, я туда не полезу.

– Ну как хочешь. Тогда иди, готовь поляну.

Алёна кивнула и пошла к «дастеру», пока Денис с Геной снова ныряли в озеро; Володя хотел присоединиться к ним, но отмахнулся и прилёг на песок.

Сначала Алёна залезла в салон и раскрыла пакет, который во время поездки держала под ногами. В нём была сменная одежда: нижнее бельё, шорты и футболка. Зашла за автомобиль, чтобы парни её не видели, переоделась и разложила влажные вещи сушиться под лучами солнца на крышу. Затем открыла багажник и вытащила сумку с едой. Также в нём находились: пиво, в достаточном количестве – три упаковки полторалитровых бутылок по шесть в каждой – одна со стеклянными, две другие – с пластиковыми; две палатки (одна Дениса, другая Володи) и спальные мешки (Гена взял свой, подходящий его размерам); четыре комплекта специальной одежды, три удочки и лодка. На завтра и, возможно, послезавтра они запланировали рыбалку подальше от берега. Алёна будет только смотреть на это нудное занятие со стороны и мешать парням, когда станет совсем уж скучно; её очередь в этом деле настанет вечером – приготовит уху или пожарит рыбу над огнём – если, конечно, удача подкинет им улова.

Алёна расстелила на траве скатерть, открыла контейнеры с салатами, варёной картошкой, запечёнными куриными голеньями, нарезала на крышке одного из них огурцы, помидоры, лук, сало и колбасу, вскрыла пакетик с варёными яйцами.

К тому моменту на берег вышел Гена.

– Володя что, уснул? – спросила Алёна, когда тот подошёл.

– Похоже на то.

– Если честно, меня тоже чуть разморило. А Денис весь день собирается купаться?

– Он всю неделю жаловался на жару, так что, наверное, до вечера не вылезет.

– Ну тогда тебе придётся костёр разводить.

– Ну а кому ещё?

Гена сбегал в лесок и, отмахиваясь от надоедливых комаров, так и норвящих присосаться, вернулся с охапкой сухостоя, которую сбросил к кострищу. Затем поджог бересту, которую Денис взял из дома, и принялся подкладывать на разгорающийся огонь ветки, пока тот не набрал хорошего жара.

К этому времени Денис накупался, а Володя проспался. Денис предложил выпить по бутылочке пива, но Володя вскинул руку, мол, не надо, сходил к «дастеру», включил на полную громкость музыку и достал из-под водительского сидения чекушку водки. Как выразился:

– Это для разгона.

Разлил по пластиковым стаканчикам, раздал и сказал:

– Ну что, до свидания, ребята! Трезвыми мы с вами сегодня не увидимся!

Все одобрительно засмеялись и чокнулись. Парни выпили до последней капли, Алёна только половину.

Пирушка пошла славная. Водка разливалась каждые пять минут, закуска же шла непрерывно; уже после третьего приёма все пустились в пляс, и одному Гене приходилось отвлекаться на сбор сухостоя для подложки костра. Алёна встала перед Володей и закрутила бёдрами, вытянув руки над головой; все повалились со смеху, когда Гена спародировал её перед Денисом, а тот не растерялся, приобнял его и задвигался в такт. Когда водка закончилась, пере-

шли на полные стаканчики пива, раскрыв упаковку с пластиковыми бутылками; вместе с тем кончились и танцы. Словесный поток не прекращался; темы выбирались на лету, но самыми обсуждаемыми оставались местные сплетни и пересуды. В теперешнем состоянии Володя не церемонился с выражениями и покрывал грязными словами всех, о ком заходила речь, и выражал желание отмутузить каждого второго.

Они и не заметили, как солнце скрылось за горизонтом, а небо начало темнеть. Парни в срочном порядке отыскивали берёзу, нарубили и сожгли до углей, одних из лучших для готовки шашлыка. (Гена и Денис, представляя себя мушкетёром короля и гвардейцем кардинала, дрались шампурами, словно настоящими шпагами. Володю, который один сидел перед кострищем и следил за готовностью шашлыка, это злило, он ворчал: «Мне что, это одному надо?», в то время как Алёна смеялась; «Ну дети, ей-богу!», – воскликнула она, когда Денис, зажав шампур под мышкой, очень коряво изобразил поражение.) Шашлык Володя готовил что надо; никто и не сомневался, что выйдет вкусно, потому и оставили это дело ему одному. Ели с пылу с жару: Володя прямо с шампура, Денис с Геной сняли и ели с рук, а Алёна же пользовалась вилкой и ножом.

И теперь, довольные и сытые до отвала, сидели перед костром, в который бросили догорать последние ветки, в молчании, наслаждаясь спокойствием и тишиной – Володя даже музыку выключил.

– Хорошо, – пролепетала Алёна.

Парни синхронно покивали.

– Собираться бы так почаще.

– Было бы здорово, – сказал Денис.

– Не всегда время есть, – ответил Володя. – Хотя бы так, раз в год...

– Тут так хорошо, так классно... – Алёна внезапно встрепенулась и спросила: – Кстати, а вы слышали легенду об озере?

Парни переглянулись, и Денис ответил за всех:

– Нет.

Алёна радостно хлопнула в ладоши.

– Тогда я расскажу. Сама совсем недавно её услышала. Вы помните Катю Жукову?

Парни снова посмотрели друг на друга, но теперь в их взглядах читался страх.

– Ну, как же не помнить, – неуверенно ответил Гена, – одноклассница моя всё-таки.

Катю Жукову знали все местные. Невысокая, прыщавая, носящая два типа очков: первые – такие, из-за которых глаза кажутся маленькими, вторые – такие, за которыми глаза кажутся большими. С непривлекательной плоской фигурой, лишённой женственности. Никто с ней не дружил, просто имел знакомство. Часть вины в этом была и за Катей: она старательно скрывалась от общения со сверстниками, но, если же оно было неизбежно, несла всякую чепуху. Училась посредственно, зато очень много читала. Один раз Денис застал её в библиотеке, когда ему по литературе задано было ознакомиться с «Путешествием из Петербурга в Москву» Радищева. Она листала плотную на вид книгу, буквально пожирая страницы глазами. Ему, в отличии от названия той книги, запомнилась девушка, которую изобразили на одной из страниц, – темноволосая, в белом одеянии, с венком из цветов на голове, стоящая по грудь в воде.

– И знаете, что она утопилась?

– Конечно.

– Это хорошо... то есть, хорошо, что знаете. Лично я всю эту историю услышала совсем недавно. Странная она, вам не кажется?

– Ага, это точно, – проговорил Денис и глянул на Володю; тот сидел совершенно недвижно, будто изваяние.

– В общем, в прошлом году, летом, Катя сбежала из дома, и нашли её через день утопшей. У одной девочки был тогда её номер телефона – им пришлось ими обменяться, проект один, вроде, делали вместе...

– Юлей её зовут, – вставил Гена.

– Да, точно, Юля. Юля потом рассказывала, как перед побегом Катя часто ей звонила. Жаловалась, что больше не может терпеть плохого отношения к себе от родителей. Говорила, что устала, что они её заставляют полоть грядки и картошку, пока сами отдыхают дома, что она хочет сходить на речку, но они заставляют её сидеть дома. Точно помню, как Юля пересказала случай, как Катя сварила суп, а они сказали, что его могут есть только собаки. Короче, наговаривала Юле всякое такое. Не знаю, как думаете вы, но мне кажется, про родителей она очень сильно преувеличивала; они сами потом говорили, что ничего плохого ей не делали.

– Ну, могла и преувеличивать, только у неё родители то же... повёрнутые немного...

– Ну, основная версия такая: она не выдержала их угнетений, потому и сбежала. А утопилась намеренно или же это несчастный случай, никто точно сказать не может. Но есть и вторая версия. Вы о ней слышали?

Парни мотнули головой. Алёна ехидно заулыбалась – видно, радуется, что осведомлена лучше их.

– Её бросил парень.

Денис вскинул голову.

– Что?

– Звучит как глупость, правда?

– Ага, точно. – Он поник и помрачнел сильнее.

– Юля рассказывала, что в одно утро Катя позвонила вся заплаканная и что-то пыталась сказать, что-то про парня, про любовь, про кого-то с именем на «Д».

Все глянули на Дениса. Он нахмурился:

– Вы что, правда про меня подумали?!

– Ну, ты же ей нравился.

– И что?

– Вдруг мы чего-то не знаем, – хохотнул Гена.

– Я даже отвечать на это не буду!

Володя молчал; только желваки ходили, а в остальном лицо оставалось словно мраморным.

– В общем, её нашли уже утопшей. Нашли какие-то мальчишки, которые шли на рыбалку. Они побежали обратно в деревню, взбудоражили всех, но, когда люди прибежали на то место, её тело исчезло. Может быть, её понесло дальше течением, но те, у кого были лодки, проплыли на много километров вперёд и ничего не нашли. А это значит... – на этом моменте Алёна понизила голос – ...что она не умерла, что её душа вернулась из ада, чтобы найти того парня, что бросил её, и утопить в отместку за разбитое сердце. Плавает по сей день по озеру и рекам, ищет. И этому есть доказательства: люди говорят, что замечали по ночам на берегу женский силуэт, который либо растворялся в воздухе, либо скрывался под водой. Но это ещё не всё: есть предположение, что отомстила она давно, а сейчас ищет нового суженного, которого утащит на дно, и будут они любить друг друга целую вечность... – Алёна посмотрела на парней и поняла, что возымела успех: Денис с Геной со страхом переглядывались. Володя остался непоколебим.

– Да-а, Денис, теперь тебе нужно купаться осторожнее, – усмехнулась она.

Денис шутки не оценил и промолчал.

– Володь, а если бы она пришла за тобой как за суженным, ты бы пошёл за ней?

Тот оживился, приобнял её и ответил:

– Ну и вопрос. Конечно, да!

Алёна стукнула его локтем в бок.

– Ой, да ладно, ладно. Конечно тебя. А если серьёзно, то это бред. Просто она, скорее всего, зацепилась за ветки, когда её пацаны нашли, а когда они ушли, отцепилась и поплыла дальше.

– Но её же не нашли даже те, кто на лодках далеко вперёд уплыл.

– Значит, заплыла в какой-нибудь брод, где её всякая живность склевала за всё это время.

– Убеждай себя и дальше, – хихикнул Гена. – Вот увидишь, она сегодня приплывёт и заберёт тебя.

– Ну уж точно не тебя. Она тебя такого жирного не утащит.

Улыбка слезла с лица Гены.

– Не, это озеро уже занято, – сказал Денис. – Здесь уже живёт чудище...

– Ага, и оно сидит напротив тебя.

– Хватит, Володя! Ты перебрал.

– Ладно, малыш, ладно.

– Пойдёмте спать, а? У меня уже глаза слипаются, – тихо сказал Денис.

– Согласен, – поддержал Гена.

Денис и Гена расположились в палатке первого, а влюблённая парочка – в палатке Володи.

Денис лёг на спальник и совсем скоро уснул. Каждый его вдох сопровождал раздражающий храп. Гена закутался в мешок и начал потихоньку погружаться в сон. Именно в это время голову заполняют различные мысли: от пустяковых до завораживающих, – а порой и серьёзные думы о будущем.

Повезло Володьке, такую девчонку подцепил! Точно он подметил: она горяча. За один ножки в неё можно влюбиться. Мне такое точно не светит. Кто такого жирного урода полюбит? Естественно, никто. Только родители будут меня любить. Хотя папа не будет: не такого сына он хотел, точно не такого. Ему нужен такой, который будет ровняться на него, будет «настоящим мужиком»... Ну ничего. В будущем я обязательно похудею и напомню ему обо всём...

Побольше бы таких вечеров. Сидишь в компании друзей у огня, греешься, болтаешь...

Надо учить, учить всякое, что пригодится в медучилище. Так, иммунитет – это невосприимчивость организма к инфекционным и...

Она рассказала про неё. Блин, да я чуть в штаны не наложил от одного её имени! Не выдался ли? У Дениса было такое лицо, будто он увидел в огне рожу! Володька молодец, сдержался, хотя по его взгляду было всё понятно. А почему я эту «легенду» раньше не слышал? Недавно придумали?..

Денис, судя по шуршанию, сменил положение и затих. Гена понадеялся, что теперь-то уснёт в тишине, но храп возобновился и усилился.

Он приподнялся и ударил того в бедро.

– М-м?

– Хорош храпеть! Достал уже.

– Угу. – Перевернулся на спину. – Как прикажет ваше величество.

– Приказываю. А теперь спи и не мешай мне. А не то не снискать тебе головы.

– Господи, помилуй! – усмехнулся Денис и зевнул.

– Ни в коем случае!

– Боже, мне конец... А эти там опять шпили-вили?

Гена прислушался и не услышал ничего, кроме природных звуков.

– Нет, вроде. А что, хочешь присоединиться?

– Иди в свой жирный зад!

Гена улыбнулся и прикрылся спальником. Пытался уснуть с тишиной в голове, не подпуская мыслей, но не получилось.

Конечно, тебе хочется. Такой опыт для вас троих... О чём я думаю?! Кошмар!

Ты не хочешь об этом говорить, потому что мысли о том, что Алёнка не с тобой, стыдят тебя. Знаю я, что испытываешь ты к Алёнке не только дружеские чувства. Это, наверное, знает и она, и Володька, и вообще все остальные. Слишком уж это читается в твоём поведении, как бы хорошо ты это ни скрывал...

Знаю ли я Жукову? Странный вопрос...

Я ни в чём не виноват. Меня тошнило, а Володька не хотел останавливаться, вот и получилось, что...

Денис захрапел громче прежнего. Как будто специально, гад!

Гена приподнялся. Появилось дикое желание выкинуть этого засранца из палатки и не впускать до самого утра; пусть помёрзнет, зато потом будет спать на животе. Но порыв быстро прошёл, и он решил выйти сам – чувствовал, что при любом раскладе долго не сможет уснуть. Только выбрался из спальника, как по телу побежали мурашки – воздух заметно остудился. А какого снаружи? Достал из бокового кармана рюкзака телефон и посмотрел время.

00:38.

Убрал телефон обратно и пополз к выходу. Как только открыл, внутрь ворвался ещё более холодный воздух. Ну и холодина!

Выбрался, закрыл палатку и расслышал тихие стоны. Нужно было быть слабым на ум, чтобы не понять, чьи они, откуда доносятся и какое занятие сопровождают, поэтому Гена решил не смотреть в сторону палатки Володи.

Возможно, я так им мешаю, ха-ха!

Отошёл к озеру, ступил на песок, уже остывший. Отражение луны плясало на водной глади. Можно было разглядеть, как на середине озера плавают утки. Пара их сородичей пролетела над головой, звонко крякая, и привохла к ним. Пощупал ногой воду – пока что тёплая, можно даже испунуться, только это не прельщало. Усталость валила с ног, но лечь здесь не было желания. Отошёл к костру, присел на место, где до того сидели Володя и Алёна. Угли тлели, от них исходило слабое тепло.

Немного посижу здесь, подумал он, а потом пойду обратно в палатку.

Чуть нагрел ладони, потёр ими плечи, шею и ноги и поднял лицо к небу. Взгляд сам по себе прыгал с одной звезды на другую. Повсюду играла музыка природы: стрекотали кузнечики, крякали утки, вода наплывала на берег, но думать они нисколько не мешали.

Большая Медведица. Ха, интересно, почему медведицу сравнили с ковшом? Вот Орион понятно, почему назвали в честь охотника – очень похоже на человека. Так, а где Малая Медведица? Как там её находить? От конечной точки хвоста или ручки ковша вверх шесть звёзд?..

Голова начала понемногу опускаться.

«Жирдяй», «Большая голова», «Пельмень», «Толстяк». Как только меня не называли эти говнюки. Да, я жирный, да, у меня не хватает воли сбросить хотя бы килограмм веса. Но они ведь не знают, что кроется за слоем жира. А Денис знает...

Подбородок лёг на грудь.

Легенда... легенда...

Это была идея Володьки. Денис предлагал другое, и мне пришлось выбирать. И я выбрал. Но это всё ради нашего блага! И если бы не она, мы бы этого не сделали!

Я не виноват... не виноват... Она сама... сама...

Послышалось, будто из воды что-то всплыло. Гена услышал это, но не обратил внимания; он почти уснул. Одна мысль кружилась в голове:

Не виноват... Не виноват... Не виноват...

Внезапно звуки природы и громовое скандирование мысли прервало пение – сладкий женский голосок полностью выбросил из Гены сонливость.

– Ла-ла-ла, ла-ла-ла, ла-ла-ла-лэ-ла-ла-ла-ла!

Он вскинул голову и посмотрел в сторону озера.

В воде по пояс стояла девушка в белом сарафане с густыми русыми волосами, что спадали на плечи и закрывали вырез груди, выделяющейся из-под одеяния. Изумрудные глаза ярко блистали в темноте. Венок из красных, синих и фиолетовых цветов украшал голову. Кожа чересчур уж бледна, но это только украшало девушку.

Какое очарование! Гена не мог отвести взгляда от сияющих глаз. Открыл рот, но не смог выдать и звука. Сердце учащённо застучало, грудь распирает жар.

Он понял, что с одного взгляда влюбился в эту красавицу.

Но теперь другая мысль крутилась в голове, отнюдь не позитивная.

Я её знаю... Я её знаю...

Действительно, очертания лица были знакомыми, но Гена никак не мог вспомнить, кто она такая.

Девушка перешла на слова:

– В море ветер, в море бури,

В море воют ураганы,

В синем море тонут лодки

И большие корабли.

Корабли на дно уходят

С якорями, с парусами,

На морской песок роняя

Золотые сундуки.

Золотые сундуки.

Гена покачивался под песню, наслаждаясь сладким голоском. На лице растянулась мечтательная улыбка, глаза не упускали из вида прекрасную девушку. Последние строчки промышлял с ней, так как помнил эту песню – их класс пел её на каком-то меропрятии.

Красавица спела ещё один куплет и перешла на мелодию, улыбаясь подобно Мэрилин Монро (даже ещё обворожительнее), и поманила его пальчиком.

Она зовёт меня! Боже, хоть бы это не было сном!

Гена поднялся, сбросил футболку, не заметив, что та упала на угли, и уже собирался стянуть шорты, но почувствовал, как в них что-то упирается. Он не мог этого увидеть из-за живота, но прекрасно осознавал, что это его «хозяйство» от одного вида красавицы приготовилось к действию.

Он чувствовал, как заливается краской; если эта девушка – мираж или сон, его грязное воображение на следующее же утро испошлит воспоминание о ней. Стыд стал ещё омерзительнее, когда она опустила туда взгляд и усмехнулась, что придало уму трезвости. Гена оглянулся на палатки, осмысливая варианты, кто она, откуда появилась и почему себя так странно ведёт.

Нужно разбудить ребят, они должны её увидеть...

Он передумал, когда обернулся и заглянул ей в глаза, и направился к ней. Как только подошёл к водной границе, девушка отплыла; движения плавные, почти бесшумные. Ступил в воду – отплыла вновь; зашёл по колено – ещё дальше; по пояс – пустилась в плывь.

Лодка! – мигом подумал Гена и вышел на землю. Проходя мимо палатки Володи, отметил, что характерные звуки шпили-вили прервались.

Неужели и я испытаю, что это такое!

Открыл багажник. Лодка с насосом лежала вплотную к сиденью. Путь к ней преграждали две оставшиеся упаковки пива. Ту, что со стеклянными бутылками, пододвинул к краю, подобрал валявшуюся в углу отвёртку, проделал дыру, вытащил бутылку, открыл и сделал пару глотков – это так, чтобы поднабраться сил и снять напряжение; до этого момента он и не замечал, как сильно дрожали руки.

Тут прямо над автомобилем громко крикнула утка. От неожиданности Гена подпрыгнул, ударившись о крышу затылком, и рывком развернулся – показалось, что это вскричал Володя. Бутылка выскользнула и упала в траву. Он не придал тому значения – значение имело то, что его сейчас будет бить Володя...

Но Володи не было; ночь всё так же спокойна.

Гена медленно выдохнул и приложил руку к груди, под которой бешено колотилось сердце. Отдышавшись, вернулся к делу: отодвинул вторую упаковку и вытащил лодку с насосом.

Свистящие звуки при накачивании разносились по округе – достаточно громкие, чтобы разбудить трезвых, но не пьяных, как успокаивал себя Гена, хотя до конца боялся, что сейчас откроется одна из палаток и прозвучит вопрос: «Что это за шум?»; их пение не разбудило, так что стоит ли вообще переживать?

Закончив, немного отдышался, подобрал лодку и направился к озеру. Между палаток проходил на цыпочках; из Володиной доносилось сопение Алёны и похрапывание Володи, из Денисовой – всё тот же раздражающий храп.

Красавица наблюдала за ним, легко держась на поверхности. Когда приблизился, поманила пальчиком. Так и хотелось броситься к ней; возбуждение с новой силой прокатывалось по телу. Опустил лодку на воду и только в этот момент понял, что совсем забыл про вёсла; любовь, что ли, ударила в голову? Он в спешке пошёл обратно.

Вёсла лежали прямо за лодкой. А он и не обратил внимания... Взяв их, устремился к озеру, предвкушая, что его ждёт чудесная ночь, может даже лучшая в его жизни.

Девушка держалась на носу лодки, опустив голову на руки, и с любовью смотрела на Гену, который при приближении шёл всё медленнее. Он почти узнал её, ответ уже вырисовывался на уме, главное лучше всмотреться...

– Догони меня, дружок, – пропела она и отплыла.

Гена сел в лодку, на секунду испугавшись, что та под его весом потонет, закрепил вёсла и, сев к носу спиной, погрёб. Она весело хихикнула и поплыла вперёд.

Как бы усердно он ни грёб, старательно увеличивая скорость, расстояние между ними не сокращалось. Кажется, даже наоборот, увеличивалось – в то время, как он был метрах в ста от берега, их разделяло примерно столько же. Она что, олимпийская чемпионка по плаванию? Через ещё один десяток метров сил не осталось, и Гена сдался: бросил вёсла, выругался и закрыл лицо руками. В этот момент создано ощущение, будто что-то ушло из головы, что-то наподобие тумана, мешающего здраво размышлять. Он задумался.

Она ведёт себя странно. Вместо того чтобы выйти на разговор, устроила гонки. Зачем? Да и кто она вообще такая? Почему мне кажется, что я её знаю?

Размышления прервал всплеск; лодка накренилась вправо. Гена убрал руки – девушка облокотилась о борт. Когда посмотрел в глаза, туман вернулся. Он бросил всякие размышления и пересел на середину лодки, поближе к возлюбленной.

Она приложила ладошку к его щеке и стала приподниматься, поднося личико. Она хочет его поцеловать! Да, это случится!

– Любимая...

И в момент, когда губы почти соприкоснулись, Гена её узнал. Ужас охватил его с головы до ног, но он осмелился назвать её по имени...

Зрачки девушки запылали алым. Она обнажила зубы, прежде белоснежные и ровные, теперь акульки, невероятно острые на вид, и страшно заверещала. Гена не успел что-либо предпринять, только подумал о немедленном побеге, как тварь вцепилась в щеку и одним махом разодрала её в клочья. Он вскричал, откинулся на другой борт и, когда та попыталась залезть за ним, твня руки с длинными когтями, выкинул ногу и сбросил её, попав пяткой в лоб; поднялся на колени, взял весло и с разворота ударил по голове, когда та поднялась обратно. Тварь скрылась под водой.

Он сел на прежнее место и начал интенсивно грести к берегу, озираясь по сторонам, готовясь к защите с любой стороны; дикий страх глушил боль, выброс адреналина придал сил, каких у него раньше никогда не было.

Примерно на половине пути отчётливо прозвучало, как рвётся резина, и лодка начала тонуть.

– Тварь!

Она тут же атаковала – выпрыгнула, подобно касатка, с правой стороны, вытягивая руки. Гена выставил весло, и оно уткнулось в шею; её голова откинулась, она перевернулась в воздухе и пролетела мимо вместе с веслом. Лодка ушла под воду; Гена поплыл что осталось сил, надеясь, что удар сможет задержать её на какое-то время. В голове творился полнейший хаос.

ЭТО ОНА!.. ОНА МСТИТ!.. Я НЕ ВИНОВАТ!.. ЧУДОВИЩЕ!.. ОНА МСТИТ!.. Я НЕ ВИНОВАТ!.. БОЖЕ, БОЖЕ, БОЖЕ!.. Я НЕ ВИНОВАТ!.. ЭТО ВОЛОДЯ!.. РАДИ НАШЕГО БЛАГА!..

Послышался безумный вопль, приглушённый толщей воды. Гена застонал от страха:

– Отстань! Отстань! Я не виноват! Я не хотел!

Почти вскричал:

– Помогите! – но только выдал «По...», как в икру впились когти, и тварь утянула его под воду; крик превратился в пузыри воздуха.

Он, не открывая глаз, начал лягаться второй ногой в надежде отбить руки, вывихнуть их или сломать. И, в принципе, получил, что хотел, – они отстали, но прихватили с собой часть плоти. Гена закричал, безмолвно, так как лёгкие были пусты, и погрёб вверх.

Всплыв, жадно хватанул воздух и направился к берегу, до которого оставалось совсем чуть-чуть! Нога без части мышцы висела перпендикулярно поверхности. Достаточно отдышавшись, он крикнул:

– На помощь! По!.. – но не успел закончить, как десять когтей вонзилось в горло. Недосказанные буквы превратились в хрипы. Тварь потащила его на дно.

В последние секунды жизни Гена Симонов открыл глаза и увидел ухмыляющееся лицо монстра.

В ту ночь Денис видел два сна. Первый был *оной*. Все события того ужасного дня повторялись, но в этот раз он твёрдо стоял на своей точке зрения и не позволял Володе совершить уже совершённое наяву. Спор продолжался до тех пор, пока сквозь сон он не услышал звук, смутно похожий на крик.

Первым, что почувствовал при пробуждении, был холод, затем пот, покрывавший всё тело, и гулко бьющееся сердце. Неохотно приподнялся, прислушался. Звук не повторился. Осмотрелся – Гены в палатке не было. Подполз на коленях к выходу, выглянул. Никого; стояла тишина, нарушаемая только стрекотанием кузнечиков. Отошёл отлить, наверное, подумал Денис и вернулся на прежнее место, на этот раз укутавшись в спальник. Уснул почти мгновенно.

Второй сон выдался без видений.

Проснувшись вновь – на этот раз точно утром: слышались весёлые птичьи щебетания, – Денис пошевелился и тут же покрылся мурашками от проникшего в мешок холода. С трудом

сел, потёр шею, плечи и грудь; горло сухое и нет слюней, чтобы его хоть как-то смочить. Разлепил веки, медленным движением головы осмотрелся. Гены нет. Это не вызвало каких-либо подозрений; он со спокойной душой и не совсем трезвой головой пополз к выходу.

Лагерь пустовал. Выбрался и отошёл в лес справиться нужду.

Влага в воздухе липла к коже, сырая трава щекотала лодыжки, комары кружили вокруг, выискивая моменты незаметно присосаться. Денис быстро – насколько был способен – возвращался, но приостановился, когда заметил движение: кто-то выбрался из палатки Володи. Ну, как «кто-то» – Алёна, что было понятно сразу. Она подошла к кострищу и потянулась к небу. Денис встал за дерево, засмотревшись на её блестящие на свету волосы, соблазнительные бёдра и аккуратненькие ноги, и горестно вздохнул.

Они учились в одном классе – правда, Алёна перевелась в их школу только на восьмом учебном году. Денис в первый же день, при первом же знакомстве полюбил её всей душой; при одном воспоминании о ней сердце учащало биение, и его охватывало такой сильный трепет, что так и побуждал к действию. Он всего раз в жизни испытывал подобное.

Целый месяц он не мог выкинуть её из головы: следил за успехами, просматривал фотографии во всех социальных сетях, представляя себя её второй половинкой, пытался как-то привлечь внимание. Но никаких решительных действий не предпринимал, за что ужасно стыдился. Всё потому, что боялся. На то время они шапочно были знакомы, и он не знал, примет ли она предложение встречаться, и боялся отказа или, хуже того, насмешки. Постоянно ломал голову, как поступить и поступить правильно, но годные, довольно дельные идеи отметал после недолгих размышлений. Боялся.

Потом в деревню на отдых приехал Володя, который очаровал её при первой же встрече. После этого Денис начал презирать себя, посчитал ничтожеством, недостойным любви, и целыми днями только и проклинал за бездействие. Самобичевание кончилось только через пару недель, когда он принял поражение и себя такого-растакого.

Денис встряхнулся от холодка, пробежавшего по телу, и понял, что уже с минуту-две следит, как Алёна прошлась по песку, поводила ножкой по воде и сейчас идёт обратно – как только его до сих пор не заметила? Опустил глаза. Нужно думать трезво: Алёна – девушка Володи, пора прекращать следить за ней, как какой-то маньяк-наильник; пора представлять будущее с ней порознь. Вокруг столько симпатичных девчонок... Но каждый раз мерзкий внутренний голос шептал: ты подожди, не торопись. Подождать чего? Пока Володя не попадёт под колёса автомобиля? И сколько ещё ждать? Год? Пять лет? Всю жизнь?

Он прихлопнул нескольких комаров, успевших заполнить брюха, и решил, что пора выходить, пока их орава не высосало его всего. Алёна с заведёнными за голову руками повернулась на звук его шагов и улыбнулась.

– Доброе утро!

– Доброе, – зевнул Денис. Лифчика на ней не было, грудь слабо просвечивалось сквозь белую футболку. Он прикусил язык и старался не опускать взгляд ниже цепочки на шее. Цепочка была с подвеской в виде знака бесконечности. Володя подарил на день рождения – Денис при этом присутствовал и запомнил, как тот сказал: «Для того, чтобы помнила меня».

– Не знаешь, сколько времени?

– Кажется, третий час.

Денис присвистнул.

– Как я, в принципе, и думал. После таких вечеров я раньше и не просыпаюсь.

– А я уже час, наверное, не сплю. А Володя, наверное, до вечера проваляется.

– Наверяд ли, мы не настолько вчера перебрали.

– Ну, не знаю. А Гена тоже ещё спит?

– Его нет. Я и хотел у тебя спросить, не видела ли ты его?

– Нет. И не слышала.

- Ясно. – Посмотрел на озеро. – Куда ж он пропал?
 - Найдётся, – заверила Алёна. – Куда он денется? Не пойдёт же до деревни пешком.
 - Ну, зная Генку, могу сказать, что он ещё и не такое может вытворить.
- Алёна хихикнула. Денис тоже не сдержал смешка.

Повисло молчание. Денис сделал пару шагов в сторону озера, разминаясь на ходу и раздумывая, чем бы молчание прервать. Что такого сказать, чтобы продолжить разговор. Когда рядом Володя, слова сами налезают на ум, а вот с ней наедине он и лишнее слово боится сказать, чтобы не выглядеть глупо. Молчание слишком затянулось, он выдал первое, что пришло в голову:

- Как дела?
- Алёна посмотрела на него и застенчиво улыбнулась.
- Нормально. Голова чуть-чуть болит, но в остальном всё отлично. А у тебя?
 - Да знаешь... без пива как-то трудно.
- Алёна хихикнула.
- Может, пока никто не проснулся, выпьем бутылочку?
 - Я ещё после вчерашнего не отошла.
 - После этого и дело пойдёт быстрее.
 - Не, я, пожалуй, откажусь.
 - А я схожу.

Денис направился к «дастеру». Стоило отвернуться, как стало легче; но не полностью – Алёна наверняка смотрела ему в спину.

Подойдя, заглянул внутрь – были надежды, что Генка не выдержал его храпа и перешёл спать сюда. Но и там того не оказалось. Тревога защекотала грудь. Куда он мог подеваться? – размышлял, машинально открывая багажник и беря стеклянную бутылку.

Он начал придумывать, что сказать Алёне, с чего начать разговор, но перестал, когда увидел, как её обнимает Володя. Проснулся всё-таки. Стало грустно, но и отчасти легко – когда тот рядом, Денис не старается как-то извернуться перед Алёной.

- Ты где Генку потерял? – усмехнулся Володя, когда он подошёл.
- А я откуда знаю? Я думал, что он ушёл в машину из-за моего храпа, но его там нет.
- А он не лунатит, ты не знаешь? – спросила Алёна.

Денис покачал головой:

- Он такого не упоминал.
- Может, он ушёл куда-то во сне и сам не знает, где находится...
- Да придёт он, что вы переживаете, – высказал Володя и отобрал бутылку. Вскрыл ключами от машины выпил два глотка, после чего громко рыгнул.
- Фу-у-у! Почему я встречаюсь со свиньёй?
- Кто бы говорил.

Алёна стукнула его по плечу.

– Извини, извини. Выпей лучше.

Она взяла бутылку, глотнула. Прикрыла рот ладошкой.

- У нас, леди, манеры есть, не то, что у вас, мужиков.
- Не надо наговаривать! Мы тоже хорошо воспитаны!
- Если обзывательсва ты считаешь воспитанием...
- Всё-всё, я молчу.

Бутылка перешла к Денису. Он также сделал два глотка. Подступающие газы задавил, не дав подняться к глотке.

- Бери пример с Дениса. Он ведёт себя прилично.
- Он просто перед тобой выпендривается.
- Ну да, конечно.

– Всё, хватит всей этой фигни о приличиях, – наконец вставил слово Денис. – Давайте уже поедим.

Алёна убрала ткань, которой вчера накрыла еду на тарелках, и раскрыла контейнеры. Они расселись по тем местам, где сидели вчера, и принялись есть. Вскоре Денис ушёл за новой бутылкой, но вернулся с обеими упаковками, которые поставил в воду – стоило это сделать ещё вчера.

Гена всё не появлялся.

Когда они набили желудки, Алёна разложила остатки по контейнерам, а объедки сложила в один пакет. Володя в это время наблюдал за ней, бегая взглядом по ножкам и бёдрам и потягивая пиво. В другой ситуации Денис возмущался бы про себя, но в данный момент мысли занимал Гена. Куда, мать его дери, он пропал?! Неужели в самом деле во сне убрёл в самую глушь. Тогда почему не кричит о помощи? До сих пор спит? А может, вообще в деревню утопал. Какая-то чертовщина...

– Денис!

Денис встрепенулся и взглянул на Володю. Алёна ушла.

– Уснул, что ли?

– Почему?

– Я тебя уже третий раз зову.

– Да? Прости, задумался.

– О Генке, что ли?

– Ага. Не нравится мне, что его до сих пор нет. Куда он подевался?

– Может, его убили?

Это предположение ужаснуло Дениса. Он ведь над этим не задумывался. Воображение разыгралось, найдя пищу для размышлений: «Вдруг, пока мы спали кто-то выкрал Генку. Хотя с его габаритами это трудно сделать. Значит, он мог сам выйти из-за моего храпа или отлить. Его схватил какой-то маньяк-отшельник, оглушил, оттащил подальше в лес и убил...»

«Прекрати, псих!» – одёрнул он себя.

– Нет, такого точно быть не может.

– А может, его выкрала Катя?

Денис без тени веселья взглянул на него.

В этот момент из палатки выбралась Алёна – в одном нижнем белье. Денис невольно округлил глаза: в таком обличии ему не доводилось её видеть, – и только убедился в том, как она идеальна! Пришлось приложить немало усилий, чтобы отвернуться, но образ полуобнажённой Алёны стоял перед глазами.

Она подошла к Володе.

– Пойдём, позагораем.

– Подожди. Денис!

Денис выругался: придётся повернуться. Сначала быстро окинул взглядом Алёну – как же прекрасна! – потом посмотрел на Володю.

– Что я хотел сказать: может, надует лодку да на рыбалку, а?

– А Гена?

– Сам виноват, всё себе обломал.

– Мне кажется, лучше его подождать. Он обидится.

– А тебя это так заботит?

Денис не нашёл, что ответить. Ему было важно, чтобы Гена не чувствовал себя отчуждённым от них, и собирался это высказать. Но вопрос Володя задал таким тоном, будто подразумевал совсем другой. На помощь пришла Алёна:

– Володь, ну правда: я тоже за него беспокоюсь. Может, он попал где-то в капкан или ногу сломал.

- Ну раз беспокоишься, то иди в лес, поищи его. Денис тебе поможет.
- Володь!
- Хорошая идея, – проговорил Денис и поднялся. – Пойду, посмотрю.
- Денис, я ж угораю!
- И что? В каждой шутке есть доля правды. Пойду, развеюсь.
- Володя пару секунд помолчал и всё же согласился:
- Как хочешь. Лодку потом накачаем.
- Денис отошёл на несколько шагов, когда Алёна предложила вновь:
- Пойдём загорать!
- Ну пойдём.

Обернулся – они под ручку шли к озеру. Володя его не интересовал – он смотрел на спину Алёны. Такая прямая, изящная. Опустил взгляд – про то и говорить ничего не стоит! Они легли на песок, но уже через секунду Володя приподнялся и навис над ней. Денис сплюнул – от отвращения к себе и зависти к Володе, – развернулся и зашёл на лесную территорию.

Шёл не спеша. Вчерашнее пиршество, дополненное сегодняшним завтраком (или же обедом), тяжёлым грузом лежало в желудке.

Чирикали птицы, стрекотали кузнечики. Деревья тихонько поскрипывали, ветерок шуршал в кронах. Гадкие липкие паутины, натянутые между травинками и стволами молодых сосен, росших близко друг к другу, липли к ногам, рукам, лицу, иногда с паучками, и приходилось отвлекаться от размышлений и убирать их.

А думал Денис об Алёне (мысли о психе-убийце, маньяке-отшельнике, который расправился с Геной и бросил его тело где-то неподалёку, давно высмеял). Её образ в нижнем белье не уходил из головы (да и будем честны: кому захотелось бы его прогнать?). Как же хотелось дотронуться до неё, прижаться, поцеловать...

Ох, Алёна, Алёна, почему ты не со мной? – подумал Денис и тут же нашёл ответ: потому что я хренов трус! Что я сделал, чтобы не задавать таких вопросов? Ничего! Только смотрел на неё да слюни пускал. Ещё пытался всякими тупыми способами привлечь внимание, хотел, чтобы она сделала первый шаг к знакомству. А нужно было просто подойти и заговорить! И вот итог бездействия – Алёна влюблена в другого!

Денис стыдился. Да, это правда, ему не хватило смелости заговорить первым.

Но ведь раньше всё было иначе.

Он вспомнил девчонку, с которой у него было что-то похожее на отношения. Звали её Лизой Макаренко. В начале нового учебного года, седьмого для Дениса, все вернулись в школу, как и обычно, загорелые и подростки. Не стали исключением он и Лиза. Он отмечал, какой она стала красавицей, как вытянулась и похорошела, но на протяжении двух четвертей, до самого Нового года, упускал её из виду, хотя они, казалось бы, постоянно пересекались в коридоре. Мысли тогда не занимали девчонки и всякие с ними отношения – он жил в своё удовольствие: играл в компьютерные игры, с приятелями в войнушки, строил с ними базы, где хранились их деревянные автоматы, и занимался много чем похожим, что приносил огромное удовольствие.

Переломный момент произошёл в новогоднюю ночь. Он с родителями, знатно подвыпившими, возвращался домой от бабушки с дедушкой – они всегда встречали Новый год вместе. И по дороге пересеклись с родителями Лизы. Завязался разговор, состоящий в основном из взаимных поздравлений и пожеланий всяческих благ, по итогу которого Макаренко пригласили их к себе. Родители были не против, в отличие от Дениса, который за день устал и очень хотел спать, но его никто и слушать не стал. Оставалось только подчиниться.

Пока взрослые за общим столом всюю праздновали и старались переговорить друг друга, Дениса отправили к Лизе, которая не спала и копалась в социальных сетях. Они поздоровались, Денис объяснился, что здесь делает, сел на стул и тоже решил поискать что-нибудь интересное

в интернете. Но не нашёл, что было удивительно. А сидеть просто так, осматривать комнату или пялиться в одну точку было невыносимо. Пришла идея поговорить с Лизой. Он спокойно, без всякого смущения и боязни, задал самый простой вопрос: «Как дела?». Лиза ответила. Слово за слово, завязался разговор на самые разные темы. Дениса обрадовало, насколько она приятный собеседник; общение доставило одно удовольствие. Да и разглядывая её лицо и фигуру отметил, что она ещё привлекательнее, чем казалось раньше. Он как будто заново узнал её, что, по существу, было не далеко от правды.

Это положило некое начало. К утру они распрощались. Наконец оказавшись дома, Денис упал на кровать и быстро заснул. Мысли перед сном были о Лизе.

На протяжении каникул он не думал о ней, но, когда началась учёба, и они встретились в школе, не мог не думать. Если раньше он только посматривал в сторону понравившейся девчонки и не более, то тут всё иначе – не хотелось оставаться в стороне, хотелось постоянно быть рядом. Неужели это любовь? Видимо, именно так, раз при одном её виде или даже при одной мысли сердце учащало ритм. Недели две, до конца января, он думал над тем, стоит ли предлагать встречаться. В итоге пришёл к выводу, что стоит хотя бы попробовать.

Лиза согласилась. По её словам, она сама, *кажется*, влюбилась.

Встречались они до июня. Этот период жизни был один из самых необычных. Конец отношений положила Лиза.

Нет, она не переехала куда-то далеко по причине перевода отца или матери по работе. Нет, родители не запретили ей встречаться с Денисом. Нет, она не влюбилась в другого парня, и нет, к ней не вернулся парень из армии.

Лиза утонула. Она пошла купаться с подругами и в один момент, по словам тех, её будто что-то утянуло по воду. Река в тот год была мутная после недавнего наводнения, поэтому разглядеть что-либо было сложно. Она только раз вынырнула, но ничего не успела сказать, как снова ушла под воду. Подруги пытались ей помочь, но не нашли её. В прямом смысле, не нашли: они обшарили всё русло в радиусе десяти метров, но не нашли. Оказалось её тело под мостом, а это почти в трёх километрах от того места.

Денис вспомнил, как горевал, как горевали её родители и друзья. Но это кончилось через пару недель, по крайней мере, у Дениса, за что он до сих пор чувствует вину...

И как бы ему ни хотелось этого вспоминать, но была ещё одна девчонка, с которой он отношений не заводил, да и не собирался, но не вспомнить о ней на такую тему было нельзя.

Катя Жукова.

Та самая Катя.

Вся школа знала, что она была тайно влюблена в трёх парней, одним из которых был Денис. Это особо заметно было на совмещённых уроках физкультуры – как рассказывали одноклассники, Катя не отрывала от него взгляда и, когда он делал упражнения, в которых напрягаются мышцы (например, подтягивания), тихо вздыхала, а иногда облизывала губы; Лиза как-то упоминала о её однозначном взгляде в его сторону. Денису не хотелось верить их словам, однако и сам порой это замечал.

В один из майских дней, за неделю до конца учебного года, он встретился с ней на дороге. Она, как всегда, шла в одиночестве, смотря под ноги. Денис бросил приветствие и зашагал быстрее, но нехотя остановился, когда она его окликнула. Встала перед ним и сразу, без всяких вступлений, рассказала о чувствах, которые, как оказалось, брали начало с начальных классов, с того момента, когда она впервые его увидела. Говорила быстро, иногда неразборчиво, но Денис понял каждое слово. Когда закончила, осмотрелся. Если бы кто-то из его приятелей увидел их, смешков и подкальваний он бы не избежал. Никого не увидев, посмотрел в маленькие под толстыми линзами очков глаза и сказал:

– Послушай, я тронут, что есть такие люди, которые имеет ко мне подобные чувства. Понимаю, ты хочешь услышать, что это взаимно или что-то подобное, но нет. Я люблю Лизу,

ты сама должна это знать. И не хочу прозвучать резко, но тебя я не люблю, и твоя жизнь меня не интересует. Прости.

По её щекам потекли слёзы. Она закрыла лицо руками, развернулась и пошла в обратный путь.

Денис вздохнул и пошёл в школу, куда Катя не приходила все последние учебные дни.

Он задумался: не послужил ли его ответ причиной, по которой она ушла из дома? Возможно. «Но есть и вторая версия... Её бросил парень», – как сказала Алёна. Не наплела ли Юля это ради большего внимания к себе? Хотя, Катя вполне могла позвонить ей, и, если бы внятно выговорила «Денис», не видал бы он с той минуты покоя.

Взглянул на часы. Прошёл минимум час прогулки. Незаметно, конечно, время пролетает за размышлениями и воспоминаниями. А так и не нашлось никакого намёка на присутствие Гены. Где же он? Неужели и в правду утопал в деревню? А может, уже вернулся? Стоит возвращаться, а не то и его посчитают без вести пропавшим; к тому же голова начинала болеть, отчего клонило в сон.

Через десять минут вышел в лагерь. Из палатки Володи раздавались приглушённые – наверное, рукой – звуки шпиди-вили. До вечера дотерпеть не можете, что ли? – подумал он. Совсем стыд потеряли...

«А что, хочешь присоединиться?» – вспомнились слова Гены, отчего кольнуло на душе.

Заглянул в свою – никого. Значит, Гена всё же ушёл в деревню – Денис больше не допускал мысли, что могло случиться что-то страшное.

Встала дилемма – либо возвращаться сегодня же, либо остаться и продолжить отдых. С одной стороны, как он и говорил, не хотелось бросать Гену, но с другой и Володя прав – какой бес укусил его уйти? Может, Володя что-то умалчивает, и между ними что-то случилось, пока он спал?

Столько вопросов; только приедет домой, сразу же с ним свяжется.

Залез в палатку, лёг на спальник и через пару минут уже спал.

Снилось ли что-то – не важно. То, что случилось после, имело большее значение.

Дениса разбудил крик.

Он в испуге вздрогнул и рывком сел. Кричал Володя. Подполз к выходу и выглянул, готовясь к худшему.

Володя бил ногой в колесо, сотрясал воздух кулаками и выкрикивал что-то неразборчивое. Денису это не понравилось; было чувство, что ничего хорошего из этого не выйдет. Выбрался, потянулся – мышцы сильно затекли. Посмотрел на время.

20:21.

– Мразь! – произнёс, наконец, что-то понятное Володя.

Алёна сидела у кострища и наблюдала за ним. Нижнее бельё скрывала та же белая футболка и шортики. Денис подошёл к ней.

– Чего он так взвёлся?

– Он хотел накачать лодку, чтобы завтра сразу же отправиться на рыбалку. Но лодки и вёсел нет.

– И он, как я понимаю, думает на Гену.

– Угу.

Денис покивал и подошёл к Володе. Тот стоял, опершись о капот. Положил руку на плечо.

– Лодки нет?

– Нет, – прошипел Володя.

– И ты думаешь, что это Гена...

– Да! Он спёр лодку и свалил, пока мы спали! Только увижу, убью на месте!

– Полегче. Откуда тебе знать, что это он?

– Ну а кто ещё?! – Володя всплеснул руками и развернулся. Вид у него был страшный, опасный. Денис ещё не видел его в таком состоянии. И не хотел больше видеть. – Нас здесь только четверо, а его не было весь день с самого утра. И где же он? Почему ушёл? Да потому что лодка моя ему приглянулась, решил спереть втихушку, пока все спят!

– Ты его столько лет уже знаешь, и такое о нём думаешь? – возмутился Денис – хотя на деле подумал, что это хоть какая-то логическая причина его исчезновения.

– А что ты предлагаешь мне думать? Что могло случиться, что нет лодки и его? Что он поплавать решил и утонул вместе с ней? Тогда на дне ему и место, лодку только жалко!

– Херню-то не неси! Для тебя лодка ценнее его жизни?!

Подскочила Алёна.

– Володь, правда, успокойся.

– Отстань! – Володя оттолкнул её. – Эту лодку мне мама с батей подарили. Она тридцать косарей стоит! Они ради этого на саженцах неделю горбатились! А я этого урода жалеть должен? Ну нет, только в том случае, если он встанет передо мной и докажет, что у лодки ноги выросли и она сама убежала!

– Да мы даже не знаем, где он! Вдруг с ним всё-таки что-то случилось?

– А что ты так о нём заботишься? Вы что, того... – Володя потёр указательные пальцы друг об друга.

Жест был чисто машинальным: Денис с силой ударил его по рукам. Даже Володя выглядел удивлённым. Ну теперь точно беды не миновать! Но Денис слишком разгорелся, чтобы вести ситуацию к разрешению.

– Ты палку не перегибай! Гена мне друг...

– Друг, да? Вспомни, как ты с ним познакомился. Ты с ним только из-за жалости, как и все остальные!

– Володя, прекрати! – Алёна встала перед ним. – Вдруг с Геней правда что-то случилось? А может это ты по пьяни лунатиком стал и сделал что-то с лодкой?

– Ты сама знаешь, что со мной такого не бывает.

– А кто тебя знает? Я сегодня ночью спала и не видела этого.

– А чего это ты начала его защищать?

– Потому что ты говоришь про него всякие гадости, хотя ничем не лучше!

Володя с такой скоростью влепил ей пощёчину, что ни она, ни Денис не успели ничего сделать. Раздался звонкий хлопок; Алёна не удержалась на ногах и упала. Щека в миг покраснела.

Такого Денис стерпеть точно не мог – он толкнул Володю.

– Ты чего творишь?!

– Тоже хочешь получить?

Они кинулись друг на друга.

Это была самая серьёзная драка, в которой Денис участвовал. В прошлых случаях не было чувства, что её исход решит что-то значительное. Но это не придало духа: Володя бил точнее, уворачивался ловчее и защищался успешнее; Денису же пару раз удалось достать до лица и раз ногой по торсу.

Последним ударом стал точный хук, который пошатнул его и ввёл в ступор. Володя резким толчком его уронил и начал с остервенением пинать. Денис катался по земле, не в силах подняться.

– Володя, хватит! – кричала сквозь слёзы Алёна, колотя того по спине. – Хватит! Оставь его!

Володя с разворота хлопнул ладонью по той же щеке. Алёна упала на колени, закрыла лицо руками и зарыдала в голос. Он отошёл на пару шагов, метая ненавидящий взгляд между ней и Денисом.

– Чтоб я тебя больше не видел, понял?

Денис медленно поднялся. Каждая часть тела пульсировала болью. Прошипел:

– Пошёл ты, – развернулся и двинулся по тропинке вдоль озера, держась за бок и прихрамывая.

Когда бывший друг скрылся из виду, Володя сел перед кострищем; Алёна осталась на том же месте, всё не унимаясь плакать.

– Хватит реветь! Лучше спирта налей.

– Мы же... мы же её ещё вчера выпили...

– Я тебе про пиво говорю, дура! Неси давай!

Денис шагал по тропинке, что вела к хорошему рыбацкому месту. Ему было плевать, куда идти, главное подальше от Володи; он не хотел оставлять Алёну с ним, но понимал, что сейчас не способен её защищать и попытками отстоять причинит только вред.

Место представляло из себя вытопанную в высокой траве полянку с лавчонкой, любезно оставленной одним из рыбаков, и рогаткой, воткнутой у самой воды. Денис опустился около неё на колени, взглянул на отражение. Губы разбиты, из ранки в скуле и помятого носа течёт кровь, вокруг глаза начал образовываться синяк. Да, с такой физиономией все девчонки точно твои, подумал он, набрал в пригоршню воды и осторожно ополоснул лицо. Поднялся, присел на лавочку.

«Вспомни, как ты с ним познакомился. Ты с ним только из-за жалости...»

Он прав, подумал Денис. Мне было жаль Гену.

Случилось это около шести лет назад, когда он учился в пятом классе. В тот день учёба не задалась – получил тройку по математике и русскому, а на физкультуре чуть не подрался с одноклассником; отличное настроение, что было с утра, улетучилось. Он шёл с учёбы, глядя под ноги и приготавливаясь к речи мамы о «зависимости от компьютера», которая закончится как обычно: «Чтобы в течение недели исправил оценки, иначе будешь сидеть дома без своих гаджетов».

Чтобы добраться до дома (или наоборот, в школу), предстояло пересечь железную дорогу, что разделяла деревню на две равные части. От пешеходного перехода Денис мог идти двумя путями: по улице или вдоль путей, где через некоторое расстояние нужно сойти на пустырь, пройти сквозь него до переулка, а потом по той же улице недалеко и до дома. Так как настроение было хуже некуда, желания общаться с кем-нибудь, кто мог на ней повстречаться, не было совершенно, поэтому Денис решил пойти по пустырю.

Прошёл вдоль путей. Ещё у спуска увидел группу пацанов, что стояли кругом. Денис выругался – встречи не избежал, но и обратно идти глупо.

Они что-то кричали. Подойдя поближе, Денис различил слова:

– Задай ему!

– Будешь знать, жирдяй!

– Бей его, бей!

– Плакса, плакса!

Подошёл вплотную и поднялся на цыпочки, тем самым заглянув в образованную «арену». Один пацан лежал; его лицо было перемазано грязью, из носа и губы текла кровь. Второй стоял над ним, поставил ногу на грудь. Стоявшим оказался Влад Лаврентьев (по вселенскому совпадению, тот самый одноклассник, спор с которым чуть ли не дорос до драки на уроке физкультуры). Денис выругался и похлопал по плечу стоящего перед ним. Им оказался Юрка, его сосед.

– Что здесь происходит?

– Владик учит жизни жирдяя!

Местная шпана очень хорошо знала Влада, знала и боялась – скажи хоть слово, что будет тому не по нраву, получишь в нос, по зубам, в печёнку или между ног. Не боялись его разве что старшие – с ними он был на короткой ноге, что, правда, не спасало от стычек, причиной которых становился задиристый язык Лаврентьева, но тогда на его защиту вставал старший брат. Остальные же старались с ним сдружиться, хотя бы ради того, чтобы не иметь с ним разногласий.

Но только Денис и некоторые из его приятелей прекрасно осознавали, как Лаврентьев получил такую популярность – жертвами в основном становились уступающие ему по силе. Они-то после стычки и разглашали всем о его крутости. С равными тот не вздорил и, судя по поведению, старался заминать конфликты ещё до их начала.

Оба терпеть друг друга не могли. Стычки, такие как в тот день в спортзале, случались нечасто, так как в остальное время от уроков, на которых приходилось умирять пыл, они старались не пересекаться и при случайных встречах не говорить ни слова. Но стычки ничего серьёзного не представляли: они только перекидывались едкими словечками, что редко переходило до роспуска рук. Но не сегодня – пора пошатнуть тот пьедестал, что возвели пострадавшие от его рук; и чувствовал Денис, что кулаки чистыми не останутся.

Он скинул портфель, протиснулся сквозь кольцо зрителей. Громкость голосов уменьшилась, когда он вышел в «арену», и наступила тишина, когда оттолкнул Лаврентьева. Тот оступися и упал на спину, громко охнув, – никто из пацанов не попытался его удержать, – но тут же поднялся и ненавистно вытаращился на Дениса, точно так же как спустя шесть лет будет смотреть Володя Кравченко. Денис присел возле «жирдяя». Тот открыл глаза, в которых отчётливо виделись надежда и мольба о помощи.

– Ты как?

Парнишка не успел и рот открыть, как заговорил Лаврентьев:

– Ты чё, охренел, рыжик?!

Денис метнул в него взгляд – это прозвище, «рыжик», его раздражало, тянуло плевать.

– Да это ты тут палку перегибаешь. – Он встал. – Он младше тебя года на два!

– И чё? Он меня обозвал...

– После того, как ты назвал его жирдяем? Или плаксой? Или как вы его ещё называете? – обратился к парням. Некоторые застыдились – опускали головы или глаза, когда Денис смотрел на них, – другие, видимо, поддерживали происходящее, раз с вызовом встречались взглядом.

Лаврентьев начал сопеть и сжимать-разжимать кулаки.

– Не твоё дело, рыжик! Иди куда шёл, пока...

– Пока что? Брата старшего не позвал? Ты же только можешь поднимать руку на тех, кто младше и слабее, а как только появляется противник по размеру, так сразу же хвост поджимаешь!

– Я тебе сейчас в морду дам!

– Попробуй.

Лаврентьев издал звук, похожий на кряк утки, и кинулся с явным намерением ударить с ноги в живот – после этого дерущийся с ним погибает, и ему остаётся только избить того в своё изошрённое удовольствие. Но Денис хорошо знал это: так Лаврентьев начинает любую драку, – посему отступил на шаг, схватил ногу, рывком потянул на себя и вскинул локоть на уровень лица – вспомнил, как делался такой выпад в каком-то фильме. Наверное, с Ван Даммом. Получилось так, что Лаврентьев проскользил к нему, и локоть пришёлся прямо по носу. Тот накрыл его ладонью и отошёл обратно; парни одновременно охнули и замолчали. Слышались лишь всхлипы «жирдяя», отползшего в сторону, и хлюпающее дыхание Лаврентьева. Он отнял руку – кровь запачкала ладонь и тонкой струйкой побежала к подбородку, – встал в стойку и начал ходить вправо-влево. Денис не сдвинулся с места.

– Ты уже всё или ещё что-то придумал?

Тот сплюнул ему под ноги. Денис, чувствуя, что ситуация под контролем, позволил себе усмехнуться и поманить его пальцем.

Лаврентьев нанёс широкий удар, полностью вытянутой рукой. Денис нырнул под него и, оказавшись за спиной, толкнул всем корпусом и пнул по ногам, тем самым уронив Лаврентьева; встал коленом на спину, схватил локоть и начал заламывать. Тот вскричал, замахал другой рукой, забрыкал. Значительная часть толпы в этот момент разбежалась, «арена» распалась. Он заводил руку всё выше, Лаврентьев кричал всё громче. Денис остановился, понимая, что дальше не избежать вывиха, и держал в таком положении, пока тот не зарыдал в голос и в панике не заверещал:

– Отпусти! Сломаешь! Отпусти, отпусти-и-и!

По щекам покатались слёзы. Денису этого было достаточно – «Что, раньше не получал ничего серьёзнее хлопка по руке?» – и он отступил на шаг и оглядел оставшихся. Все с удивлением переводили взгляд с него на Лаврентьева.

– Идите отсюда! Здесь больше не на что смотреть.

Все последовали совету и разошлись, постоянно оглядываясь. Лаврентьев поднялся на колени и схватился за плечо. Поднял заплаканное, грязное лицо и уставился на него взглядом, полным лютой ненависти.

– Тебе хана! – прошипел с натугой, после чего встал, собрал здоровой рукой вещи и поковылял прочь.

Денис смотрел вслед, пока тот не скрылся в переулке, потом подошёл к парнишке, который до сих пор не встал.

– Как ты?

– Плохо.

Достал из рюкзака салфетки и подал ему. Тот дрожащими руками вытер лицо.

– Напомни, как тебя зовут?

– Гена Симонов.

– Хорошо, Гена, из-за чего это всё началось?

– Он и ещё несколько его пацанов выцепили меня здесь, начали смеяться, что я жирный, гомик и всё такое, а я возьми да ляпни, что он на гомика похож больше, смазливый такой, точно один из этих. Вот и поплатился.

– М-да, язык иногда стоит держать за зубами. Но теперь всё хорошо.

– Ага, конечно. По-любому они меня выловят по пути домой и дадут добавки.

– Тогда давай я тебя провожу.

Гена уставился на него.

– Зачем?

– Прослежу, чтобы всё хорошо было.

– Ну, не знаю... Как это поймут другие?..

– А что тут такого? Просто друзья не хотят расходиться после занятий.

После слова «друзья» лицо Гены стало недоверчивым, но глаза заблестали.

– А разве мы друзья?

– Ну, поговорим, а там поймём. Давай помогу.

Они вместе собрали вещи Гены и отправились в путь.

– Вот только мама разволнуется, что я весь в синяках.

– Ничего страшного. – Денис похлопал его по плечу. – Скажи, что защищал девчонку от толпы хулиганов. Мамам такие рассказы нравятся...

Денис прихлопнул комара, который прокусил кожу на шее.

Прямо-таки сцена из дешёвого подросткового фильма, усмехнулся он. Воспоминания вызывали улыбку.

Он довёл Гену практически до дома – остановился в сотне метров и ждал, пока его новый друг не зайдёт за ворота. Вначале он не верил, что они найдут общий язык, посчитав Симонова одним из тех зануд, которые встречаются в каждой школе: несущих всякий непонятный бред, считающих учёбу главным занятием жизни и дни напролёт проводящих за компьютером или умными книжками. Но ничего подобного в Гене не было. После того дня они сдружились.

(Также после драки Денис заработал некоторый авторитет среди школьников. Лаврентьева бояться не перестали, но он больше не считался какой-то величиной среди школьников.)

Володя появился позже – через два года он впервые приехал в деревню на лето; дом, в котором раньше жила бабушка Володи, стал для семьи Кравченко дачей. Встретившись вечером на волейболе (деревенская молодёжь каждое лето проводила вечера с мячом), они заобщались и закрепили приятельские отношения за несколько следующих похожих вечеров. Вскоре познакомил с Геней. Они вроде бы сдружились, но Денис ощущал между ними какое-то напряжение, достигшее сегодня пика.

Да, Денису было жалко Гену, но жалость (и презрение к Лаврентьеву) только заставила его встать на защиту, а после и проводить до дома, тогда как продолжить общение он решил по собственной инициативе.

Выкуси, урод, ничего ты о нас не знаешь!

Такая мысль приободрила Дениса.

Посмотрел на часы. Прошло около двадцати минут. Пора возвращаться в лагерь, но что делать с Володей? Как спасти из его лап Алёну?

В этот миг послышался её крик.

Только попробуй ударить её, урод! – думал Денис, мчась туда, совершенно забыв про боль в боку и груди.

Володя потягивал тёплое пиво. Гадость, мерзость. За то время, что стояло в воде, оно совсем не остыло; стоило ещё вчера вечером поставить. Но выбора лучше не было. Алёна кружила вокруг, залечивая раны – хотя что там лечить, разве Денис мог причинить серьёзный вред? Конечно, нет. Плакать перестала, только часто шмыгала, что очень раздражало.

– Хватит шмыгать! Задолбала уже.

Алёна сглотнула и прошептала:

– Извини, пожалуйста.

Володя пробубнил ругательство и припал к горлышку. Алёна смочила ватку перекисью водорода и приложила к ранке на скуле. От несильного, но неприятного жжения он дёрнулся и рефлекторно отбил её руку.

– Отстань от меня! – рявкнул, отчего Алёна вся сжалась. – Само заживёт. Уйди с глаз.

Она повторила:

– Прости, пожалуйста, – и отошла.

Подошла к «дастеру» и спиной прижалась к капоту. Посмотрела на него и тут же опустила голову. Даже с такого расстояния он видел, как её плечи слегка дрожали.

Нашла из-за чего реветь. Нашла, кого защищать. Дура. Со сколькими водился, ни одна не была такой наивной и тупой. И чего я только с ней до сих пор?

Окинул её взглядом, хотя это было лишним – он прекрасно осознавал, что причина этому – её отменная фигура.

Нет в ней ничего особенного. Таких в городе уйма. Давно нашёл бы другую, не было бы сраных проблем.

Сделал глоток, поморщился.

Так и сделаю. Приеду в деревню, и пусть все они летят к чертям собачьим. В печёнках уже сидят. А она пусть идёт к своему Денису, к этому уроду, к этому!..

Стоило только того вспомнить, как эмоции, практически улёгшиеся, набрали силу. Володя попытался успокоиться, мерно и глубоко дыша, но не получилось – потому что он не хотел успокаиваться. Он хотел выпустить пар и без разницы, каким способом, но стояла сраная заглушка, которая не давала это сделать. И заглушка эта – Денис. От одной только мысли о нём всё внутри вскипало, руки так и норовили набить ему морду. Пусть только здесь покажется, подумал Володя, я тут же дам им волю.

Был ещё один действенный способ успокоиться – устроить шпили-вили, как любила называть перепих эта пара голубков. Затолкать Алёну в палатку или в «дастер», если вздумает, сука, сопротивляться, и провести сеанс успокоения. Он чувствовал, что только это может помочь, тут он выпустит весь пар. Решил, что да, так он и сделает; напоследок, чтоб помнила...

– Володя?

Володя вздрогнул и выронил бутылку; та упала в кострище. Подобрал её – пива вытекло немного – и обернулся. Алёна заметно вздрогнула – увидела, какой гнев проецируют его глаза.

Спросил сдержанно:

– Что надо?

– Тебе нужно помириться с Денисом.

Начал вскипать.

– И почему же?

– Потому что он... друг хороший. Это неправильно, что вы подрались.

Держался из последних сил.

– Пошла вон отсюда.

– Володь...

Взорвался:

– Пошла вон! Чтоб глаза мои тебя, сука, не видели!

Алёна поморщилась. По щекам вновь покатались слёзы. Она кивнула и прошептала:

– Хорошо, Володь.

Она двинулась к тропинке, по которой ушёл Денис, но, видимо, сообразила, что этим только спровоцирует Володю, а он готов был метнуть бутылку, поэтому ушла в лес по другой, той, что вела в противоположную сторону.

Володя следил за ней, пока она не скрылась, ни разу не обернувшись. Глотнул пива, поморщился от скверного тёплого вкуса и почувствовал пепел на губах и зубах. Это его окончательно доконало: он с размаху отбросил бутылку. Выругался, опустил голову на руки.

Уроды. Полезли защищать этого жиртреста, с которым, видите ли, дружат. Пошли они все нахер. Пора двигать отсюда. Пусть делают что хотят и возвращаются как хотят. И только попадитесь мне потом на глаза – порву на месте...

В этот момент зашумела вода. Володя поднял голову, посмотрел на озеро.

И увидел её.

Как только Алёна скрылась за деревьями, слёзы пошли с новой силой. Десять минут, пока пыталась помочь Володе залечить раны, она всеми силами сдерживала их, терпела ненависть к себе, слушала потоки нескончаемой брани в сторону Дениса и Гены. Теперь силы её покинули – она прислонилась к дереву и опустилась на землю.

Так вот он какой на самом деле!

Она никак не ожидала от Володи такого. Он показывал вид милого парня, сдержанного, умеющего контролировать эмоции и подбирать слова, парня, который не лезет в драку при первой возможности.

Но в том-то и дело – показывал вид...

Неужели он меня всё это время обманывал? Или это меня ослепила любовь?

Алёна прекрасно понимала, что верны оба утверждения. С самого начала, с перевода в местную школу, она искала себе потенциальную пару. Даже думала познакомиться с Денисом. Как бы тот ни хотел делать свои нелепые попытки привлечь к себе внимание скрытно, она их замечала, да и не только – все, с кем она это обсуждала. Они не злили – наоборот, умиляли. Алёна уже думала избавиться от страданий и самой сделать первый шаг, как вдруг появился Володя. Один его вид влюблял, а веявшие самоуверенность и стойкость возбуждали. Она ещё в первые минуты знакомства нарисовала такие яркие и чёткие картины совместного будущего, что посчитала, что они станут идеальной парой; Денис остался на задворках мыслей – мыслей о Володе. Как ей показалось, она тоже зацепила его с первого взгляда, и не прошло и недели, как это подтвердилось – тот предложил встречаться. Алёна сразу ответила согласием, считая, что с ним будет счастлива.

Так и было – до сегодняшнего дня.

Всё это было ложью, с самого начала. И я не видела этого. Или не хотела видеть. Дура. Дура!

Алёна вытерла глаза подолом футболки.

Всё, с ним кончено. Не хочу больше его знать. Боже, какой же я была душой! Вернусь в деревню и пошлю его на все четыре стороны. Большие слова от меня не услышит!

Поднялась, сняла с шеи цепочку, провела пальцем по знаку бесконечности. «Для того, чтобы помнить меня». Воспоминание, как Володя преподнёс эту красоту, и другие, пришедшие за ним, казавшиеся счастливыми, вызвали ещё большую боль. Алёна всхлипнула и принялась тянуть в разные стороны. Если рвать с прошлым, отношения с Володей, то нужно избавляться от всего, что с ним связано.

Цепочка не порвалась – сил не хватило. Алёна с визгом её отбросила; та приземлилась на повороте тропинки. Подобрала с-под ног камень, подошла и ударила. Та ушла в землю. Может, вмятины и остались, но еле видимые. Достала, повторила – и так несколько раз, каждый следующий с большей силой. Бесполезно. Отбросила камень, вытащила и в остервенении попыталась снова порвать. На этот раз получилось: одно звено разломалось. Но что это дало? Алёна хотела избавиться от неё насовсем, чтобы земля не носила это поганое украшение.

– Сука такая! Что с тобой сделать?

Осмотрелась и увидела проблески меж деревьев, а также вытоптанное место, видимо, место для рыбалки. Озеро. Точно! Пусть пропадёт в его водах, унесётся по течению или уйдёт на дно.

Она поднялась и пошла туда.

Через несколько шагов уловила запах тухлятины, и чем дальше, тем отчётливее и сильнее он становился. Алёне это не нравилось, но намерение не отменяло.

В тот момент, когда от сильного запаха тухлого мяса закружилась голова, и Алёну замутило, она вышла на рыбацкое место и взвизгнула от увиденного – к молодым соснам было прислонено почерневшее человеческое тело, в котором она узнала Гену. Щека разорвана в кожные ленты, раскрывая полость рта, где возились насекомые; горло разодрано, от ноги оторван большой кусок плоти; помутневшие глаза смотрели на озеро.

Алёна не отнимала рук от лица. Маньяк всё-таки есть?!

На короткий миг затрещали кусты. Алёна завизжала и устремилась назад. Бешеный страх вернул ушедшие силы, но в то же время мешал, путая ноги, из-за чего на половине пути она споткнулась и упала на колени; в ту же секунду всё, что она съела за сутки, вышло наружу. Отёрла рот, оглянулась – никого, – встала и продолжила побег.

– Володя! Денис!

Наконец выбежала в лагерь. Уже хотела сказать – нет, завопить во весь голос! – о Гене, если волнение и страх не запутают речь, но возле кострища, палаток и «дастера» никого не было. Её охватила паника, в голову полезли сумасшедшие мысли. Самая яркая и страшная

– это Володя так жестоко убил Гену и теперь, пока её не было, ушёл за Денисом, после чего явится за ней... Но послышался всплеск, и Алёна повернулась к озеру.

В воде по пояс стояла девушка красивой наружности. Её глаза пылали зелёным; взглянув в них, Алёна почувствовала что-то странное, отвратительный зуд в затылке. Она держала руки на шее Володи, стоящего напротив, и что-то шептала на ухо. Потом поцеловала в щеку и отстранилась. Володя энергично закивал, вышел из воды и пошёл в направлении «дастера». Он безумным фанатичным взглядом смотрел вперёд, в то же время глаза блестели от счастья; он ощупывал щеку, уголки губ чуть ли не прикасались к ушам.

Алёна подбежала к нему, встала на пути.

– Володя, кто она? Куда ты идёшь?

Выражение его лица изменилось: улыбка чуть спала, в глазах что-то промелькнуло. Рот приоткрылся, но тут же захлопнулся; азартный взгляд вернулся. Он оттолкнул её и пошёл дальше.

Её изумлению не было предела. Стояла она не перед Володей. Незнакомка с ним что-то сделала. Алёна посмотрела на неё, встретила взглядом. Та ухмыльнулась и, будто в насмешку, запела; глаза заблестали жестокостью. Вернулся зуд, от которого засосало под ложечкой. Она задавила тошноту и побежала за Володей.

Его любовь сказала, чтобы он вывел из строя «дастер». Тогда его ждёт щедрая награда, и он знал какая – её прекрасные, завораживающие глаза цвета изумруда подсказали. Она поцелует его, может даже позволит большее. Ох, как он на это надеялся! Где-то там, в прошлом, осталась Алёна, которая даже вровень не стоит с *его любовью*. Хотя он ещё испытывал к ней какие-то чувства, но они были настолько слабы, что просто глушились.

Он знает множество способов испортить автомобиль – сам несколько раз так проделывал недоброжелательным личностям. Первое, что сделал: отвинтил крышку маслозаливной горловины и всыпал песок, испортив тем самым масло. Потом открыл бензобак и проделал то же самое.

Алёна поняла замысел незнакомки: испортить автомобиль, – вспомнив, как когда-то Володя чинил при ней «волгу» и говорил: «Машину можно много чем испортить. Самый известный способ – это, конечно, проколоть шины сбоку, а также можно засыпать в бензобак песка. Тогда машина точно не поедет».

– Володя, прекрати! – говорила, когда Володя набирал песок. – Что ты делаешь?!

Она пыталась оттащить его руки от бензобака, но не смогла.

Засыпав песок, он обернулся.*Его любовь* смотрит. Смотрит и улыбается. Улыбается она, улыбается и он. Он делает всё правильно. Осталось последнее, и она примет его, прижмёт к себе, и они сольются в поцелуе. Как же он ждал! Сердце бешено билось, как только он представлял её, сидящую на нём. Подошёл к скатерти с едой и подобрал нож. Алёна мельтешила перед ним, пыталась остановить. Но ничто и никто не остановит Кравченко на пути к своей любви! Подошёл к «дастеру», присел возле колеса и принялся резать резину.

«Самый надёжный способ задержать водителя – это разрезать боковые стороны шин. Знаешь почему? Потому, что такие повреждения нельзя надёжно заплатать. Тогда придётся либо менять колесо, либо очень долго ремонтировать повреждённое. Запомни, малыш, может понадобиться», – говорил Володя. Алёна ничего не могла придумать, да и уже было поздно – воздух со свистом выбрался из колеса. Он перебрался к заднему. Алёна кружила вокруг, не в силах уговорить его остановиться, пока не оступилась о стеклянную бутылку. Тут же пришла идея, осуществление которой автомобиль не починит, но, может быть, вернёт прежнего Володю. Она

подобрала её, встала над ним, когда он вспарывал уже третье колесо, подняла руки на уровень головы и рывком опустила.

Волна резкой боли прокатилась по голове. Володя выронил нож и схватился за затылок, который адски горел. Голову наполнил туман, мысли перемешались:

АХ ТЫ, СУКА!.. Кто эта девка?.. УБЬЮ, СУКУ!.. Я её знаю?.. ДЛЯ НЕЁ ВСЁ, А ОНА ВОТ ТАК!.. Лицо знакомое...СУКА!.. Я её знаю, но кто она?.. ГРЁБАНАЯ СУКА!

Постепенно туман рассеивался, боль ослабевала. Теперь только одна мысль крутилась в голове:

Убью!

С трудом поднялся – силы куда-то пропали, голову тянуло к земле, но как только он увидел Алёну с бутылкой в руке, энергия переполнила его.

– Тварь! – вскричал он и нанёс широкий удар, но та увернулась, и кулак врезался в окошко автомобиля. Стекло не разбилось; кисть пронзила боль, кожа на костяшках порвалась. Он взревел.

Рука Алёны невольно разжалась, бутылка выпала. Её охватил дикий ужас. Мало того, что она не вырубил Володю, так только сильнее разозлила. И теперь вряд ли что-то исправит. Она обежала обезумевшего Володю, и хотела бежать по дорожке за Денисом, но...

Володя подобрал бутылку и кинул ей вслед. Попал точно по щиколотке. Алёна, вскричав, упала и ухватилась за ногу. Он, пошатываясь, приблизился и успел схватить её за подол футболки, когда она попыталась отскочить. Потянул на себя – ткань затрещала, но выдержала, – и Алёна попала прямо в руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.